

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ

МЦЫРИ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
МЦЫРИ

Тбилиси, 2014

Издатель -
Международный культурно-просветительский Союз
«РУССКИЙ КЛУБ»

Руководитель проекта -
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ

ISBN 978-9941-0-6648-1

VTB
Sponsor

ЛЕ

27
сме
45 м
«
зет.
сво
сил
это
рас
сла
мы
Т
Был
Пу
Е
про
«С

Лермонтова генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сношения с кем-нибудь извне, покуда власти не решат вопрос в его дальнейшей участи и о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе. Вступление к этому сочинению дерзко, а конец — бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. По словам Лермонтова, эти стихи распространяются в городе одним из его товарищей, которого он не захотел назвать. А. Бенкендорф».

На этом письме — резолюция Николая I (по-французски): «Приятные стихи, нечего сказать: я послал Веймарна в Царское Село осмотреть бумаги Лермонтова и, буде обнаружатся еще другие подозрительные, наложить на них арест. Пока что я велел старшему медику гвардейского корпуса посетить этого молодого человека и удостовериться, не помешан ли он; а затем мы поступим с ним согласно закону».

25 февраля 1837 года военный министр А.И. Чернышев общал А.Х. Бенкендорфу: «Государь император высочайше повелеть изволил: л.-гв. Гусарского полка корнета Лермонтова за сочинение известных вашему сиятельству стихов перевести тем же чином в Нижегородский драгунский полк».

Полк этот находился в Грузии.

Странно складывалась жизнь великих русских поэтов. В год гибели Грибоедова, проводшего в «почетной ссылке» много лет, в Грузию приехал Пушкин (1829), в год убийства Пушкина сюда же был сослан Лермонтов.

«Свободы, Гения и Славы палачи» часто ссылали в «южную Сибирь» (как тогда называли Грузию, Кавказ) лучших людей России — декабристов и опальных поэтов, и потому Лермонтов с гордостью мог сказать:

Изгнаньем из страны родной
Хвались повсюду, как свободой.

Для свободолюбивых изгнанников «южная Сибирь» становилась второй родиной, любимой и любящей их. Найдя здесь братский приют и гостеприимство, они с огромным интересом начинают изучать новый для них край и талантливо изображать его в своих бессмертных творениях, поднявших русскую литературу на новую вершину славы и величия.

Лермонтова отправили с «милого севера в сторону южную». Предстояла встреча с Грузией.

К сожалению, материалов о пребывании поэта в Грузии мало. Мы даже не знаем, сколько времени он провёл здесь и с кем из местных жителей общался. Известно, что в апреле 1837 года ссыльный поэт был направлен в Нижегородский драгунский полк, который стоял в Кахетии, что по дороге он простудился, заболел и вынужден был задержаться в Пятигорске на все лето. Оправившись от болезни, Лермонтов в сентябре через Ставрополь и укрепление Ольгинское едет Тамань, чтобы оттуда поехать в Анапу или Геленджик, и только во второй половине октября отправляется в свой полк

Военно-Грузинской дороге. По этой же дороге он возвраща-
ется в Россию в конце декабря 1837 года.

Таким образом, Лермонтов провел в Грузии примерно
два месяца. Он с глубоким интересом знакомился с жизнью,
фольклором, историей нашего народа, восхищался живопис-
ной природой края. Здесь им были созданы «Мцыри» и «Де-
мон», «Герой нашего времени» и прославленные шедевры
лирики.

О жизни Лермонтова в Грузии мы можем судить по его
письму, посланному, судя по всему, из Тбилиси в конце 1837
года С.А. Раевскому:

«Любезный друг Святослав! Я полагаю, что либо мои два
письма пропали на почте, либо твои ко мне не дошли, потому
что с тех пор, как я здесь, я о тебе знаю только из писем ба-
бушки.

Наконец, меня перевели обратно, в гвардию, но только в
Гродненский полк, и если бы не бабушка, то, по совести ска-
зать, я бы охотно остался здесь, потому что вряд ли Поселе-
ние веселее Грузии.

С тех пор как выехал из России, поверишь ли, я находил-
ся до сих пор в непрерывном странствовании, то на пере-
кладной, то верхом; изъездил Линию всю вдоль, от Кизляра
до Тамани, переехал горы, был в Шуше, в Кубе, в Шемахе, в
Кахетии, одетый по-черкесски, с ружьем за плечами; ночевал
в чистом поле, засыпал под крик шакалов, ел чурек, пил кахе-

тинское даже...

Простудившись дорогой, я приехал на воды весь в рев-
матизмах; меня на руках вынесли люди из повозки, я не мог
ходить — в месяц меня воды совсем поправили; я никогда не
был так здоров, зато веду жизнь примерную; пью вино толь-
ко тогда, когда где-нибудь в горах ночью прозябну, то, при-
ехав на место, греюсь... Здесь, кроме войны, службы нету;
я приехал в отряд слишком поздно, ибо государь нынче не
велел делать вторую экспедицию, и я слышал только два,
три выстрела; зато два раза в моих путешествиях, отстрели-
вался; раз ночью мы ехали втроем из Кубы, я, один офицер
нашего полка и черкес (мирный, разумеется), — и чуть не по-
пались шайке лезгин. Хороших ребят здесь много, особенно
в Тифлисе есть люди очень порядочные; а что здесь истинное
наслаждение, так это татарские бани! Я снял на скорую руку
виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с
собой порядочную коллекцию; одним словом, я вояжировал.
Как перевалился через хребет в Грузию, так бросил тележку
и стал ездить верхом; лазил на снеговую гору (Крестовая),
на самый верх, что не совсем легко; оттуда видна половина
Грузии как на блюдечке, и, право, я не берусь объяснить или
описать этого удивительного чувства: для меня горный воз-
дух — бальзам, хандра к черту, сердце бьется, грудь высоко
дышит — ничего не надо в эту минуту: так сидел бы да смотрел
целую жизнь.

Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще
в Азии, необходим, как французский в Европе, — да жаль,
теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться. Я

уже составлял планы ехать в Мекку, в Персию и проч., теперь остается только проситься в экспедицию в Хиву с Перовским.

Ты видишь из этого, что я сделался ужасным бродягой, а право, я расположен к этому роду жизни. Если тебе вздумается отвечать мне, то пиши в Петербург; увы, не в Царское Село: скучать ехать в новый полк, я совсем отвык от фронта и серьезно думаю выйти в отставку.

Прощай, любезный друг, не позабудь меня и верь все-таки, что самой моей большой печалью было то, что ты через меня пострадал. Вечно тебе преданный М. Лермонтов».

В письме, как видим содержатся ценные сведения об образе жизни Лермонтова в Грузии и на Северном Кавказе.

Приведенное письмо, к сожалению, единственное, дошедшее до нас прямое свидетельство о фактах и образе жизни Лермонтова в Грузии. Ввиду отсутствия письменных свидетельств современников и документальных материалов по интересующему нас вопросу, важное значение приобретают «грузинские произведения» поэта, устные предания, сопоставление косвенных данных и логически обоснованные гипотезы.

Через несколько месяцев после отъезда Лермонтова в южную ссылку туда же из северной ссылки отправился и Александр Чавчавадзе, а также некоторые другие передовые грузинские деятели, пострадавшие за причастность к заговору 1832 года.

На этом, другом конце империи, в Закавказье, в частности в Тбилиси, прогрессивная общественность также была потрясена вестью о гибели Пушкина. Об этом свидетельствует множество фактов и особенно скорбное стихотворение выдающегося азербайджанского поэта Ахундова (служившего в Тбилиси) и письмо известного писателя-декабриста А.А. Бестужева-Марлинского, который 23 февраля 1837 года писал из Тбилиси в Петербург П. Бестужеву: «Я был глубоко потрясен трагической гибелью Пушкина... Когда я прочел ваше письмо Мамуке Орбелианову, он разразился проклятиями: «Я убью этого Дантеса, если только когда-нибудь его увижу», - сказал он».

В этих словах М. Орбелиани выражено настроение передовой грузинской общественности.

Могло ли остаться незамеченным для тбилисской общественности, особенно для семьи Чавчавадзе, пребывание здесь поэта, приобретшего широкую известность во всех уголках империи за страстное выступление против убийц Пушкина и сосланного за это в Грузию?

Мы не располагаем достаточными данными, которые бы позволяли решительно утверждать, что А. Чавчавадзе во время своего пребывания в Петербурге встречался с Лермонтовым, но что Лермонтов бывал в семье Чавчавадзе в Грузии в 1837 году, в этом нет никакого сомнения.

Дом, который сделался родным для Лермонтова, действительно был замечательным во всех отношениях. Отец семейства — А.Г. Чавчавадзе, знаменитый поэт, образованнейший человек — и своим дочерям — Нине и Екатерине — дал пре-

красное образование. Они проявляли живой интерес к литературе и искусству, превосходно играли на национальных инструментах и фортепиано и великолепно пели песни на слова грузинских и русских поэтов.

По нашим сведениям, сестры вызывали в Лермонтове сильные, но не одинаковые чувства. К молодой вдове, оставшейся до конца жизни верной Грибоедову, у поэта возникает благоговейно-почтительное отношение. Екатерина же вызвала восхищение, граничащее с влюбленностью. Первое выразилось в стихотворении «Кинжал», второе – в следующих стихотворениях.

I

Слышу ли голос твой
Звонкий и ласковый
Как птичка в клетке,
Сердце запрыгает;
Встречу ль глаза твои
Лазурно-глубокие,
Душа им навстречу
Из груди просится,
И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы
Тебе я кинулся.

II

Как небеса, твой взор блистает
Эмалью голубой,
Как поцелуй, звучит и тает
Твой голос молодой;
За звук один волшебной речи,
За твой единый взгляд,
Я рад отдать красавца сечи,
Грузинский мой булат.
И он порою сладко блещет,
И сладостней звучит,
При звуке том душа трепещет
И в сердце кровь кипит.

III

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движенья,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной красоты.

Эти стихотворения написаны после поездки Лермонтова в Грузию в 1837 году.

Об адресате стихотворений имеется несколько мнений. Мы уверены, что прав был Ш. Алхазишвили, который еще

в 1957 году в своей рецензии на книгу И. Андрионикашвили «Грузия в творчестве Лермонтова» выдвинул гипотезу, что их адресатом является Екатерина Чавчавадзе. Свое предположение Ш. Алхазисвили строил на сходстве лермонтовских шедевров с талантливейшими поэтическими посвящениями Екатерине Чавчавадзе, принадлежащими грузинскому гению Николозу Бараташвили.

Особо следует выделить неопубликованные воспоминания Р.Н. Николадзе-Полиевктовой (дочери выдающегося грузинского публициста Н.Я. Николадзе, друга Чернышевского и сотрудника герценовского «Колокола»), доказывающие, что адресатом стихотворений Лермонтова является Екатерина Чавчавадзе.

«В доме Чавчавадзе, - читаем мы в этих воспоминаниях, - с сугубо серьезным миром Нины Грибоедовой и ее избранного кружка друзей, сверкал молодостью, пел, плясал и светился радостью жизни мир младшего поколения их семьи – «розово-голубой» мир друзей и окружения второй дочери хозяев, синеглазой чаровницы Катеньки, вдохновившей Бараташвили на ряд лирических шедевров... Она очаровала, оказывается, и Лермонтова, в результате чего русская литература обогатилась тремя «голубыми самоцветами».

Образ кинжала в русской поэзии с XVIII века служил символом борьбы против тирании. У Пушкина он – «свободы тайной страж». Давно отмечено, что с первой строфой пушкинского «Кинжала» (1821) перекликается первая строфа «Кин-

жала» Лермонтова:

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на месть тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный.

Дальше, особенно в последней строфе этого замечательного творения лермонтовского гения, содержание образа расширяется – кинжал становится символом твердости души, верности долгу, высокого благородства.

Ты дан мне в спутники, любви залог немой,
И страннику в тебе пример не бесполезный;
Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Эти слова звучат, как клятва, данная поэтом женщине, преподнесшей ему кинжал. Нет никакого сомнения, что кинжал был поднесен в дар поэту. Об этом свидетельствует как текст стихотворения, так и его первоначальное заглавие. Недавно было выяснено, что оно называлось «Подарок». Еще раньше было установлено, что произведение написано в 1837 году, перед отъездом Лермонтова из Грузии.

Из воспоминаний Р.Н. Николадзе узнаем, что М.Ю. Лермонтов и А.И. Одоевский в 1837 году, находясь в Грузии, часто беседовали с вдовой Грибоедова Ниной, ходили на могилу бессмертного творца «Горя от ума». Нина была тронута их

вниманием и в знак благодарности решила подарить каждому из них по кинжалу из общей коллекции своего отца и мужа. Причем кинжал в качестве подарка был выбран «со значением» (как тогда говорили) — «как символ верности долгу, чести, дружбе, светлому делу своих друзей по оружию и по лире».

Лермонтов был взволнован подарком и на другой же день прочел Николозу Бараташвили «первый вариант своего «Кинжала», который, по воспоминаниям товарищей Бараташвили, несколько отличался от более позднего, окончательного его текста тем, что там упоминалась надпись на кинжале (неизвестно, на каком языке); эту надпись, по-видимому, представлявшую собой какой-то военный или гражданский девиз, Нина прочла и перевела своим гостям, взяв с Лермонтова клятву «быть верным этому кинжалу».

Теперь понятны клятвенно звучащие слова в «Кинжале»:

Да, я не изменюсь и буду тверд душой,
Как ты, как ты, мой друг железный.

Понятной становится и строчка автографа, не вошедшая в окончательный текст: «И надпись мне красавица прочла».

Можно сказать, что символом безграничной верности и железной твердости был не только кинжал, подаренный Ниной Лермонтову, но прежде всего — она сама, ее постоянство в чувствах и подвижническая жизнь — «редкий пример самопожертвования и личного героизма» (Тициан Табидзе).

Легко представить, какое впечатление произвела вдова Грибоедова на Лермонтова, какой идеал женщины он видел

в ее лице. Ее верность памяти мужа, твердость характера и высокие человеческие качества не могли не вызвать в Лермонтове восхищения и благоговения. Светлая личность Нины, ее духовная стойкость поистине могли служить редким для всех примером.

Нину и Екатерину Чавчавадзе, которые, по словам Григола Орбелиани, с ума сводили всех от Петербурга до Исфагана, недаром называли музами поэтов, царицами поэзии. Они вдохновили на создание лирических шедевров и Лермонтова.

КАСТАЛЬСКИЙ КЛЮЧ ПОЭТА

*Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.*

А.С. Пушкин

У древних существовало поверье, что родник на Парнасе — Кастальский ключ — является источником поэтического вдохновения, обладает замечательным свойством вызывать у поэтов творческий подъем.

Такой же чудодейственной способностью обладал, по словам В.Г. Белинского, Кавказ.

И действительно, своеобразие Кавказа, Грузии, ее историческое прошлое, овеянное героикой борьбы за свободу, ее народное творчество, насыщенное духом этой борьбы, ее живописная природа стали неисчерпаемым ключом вдохновения для многих русских поэтов и прежде всего для Лермонтова. С самого детства, когда его возили для поправления здоровья на Кавказские минеральные воды, Лермонтов стал

восторженным поклонником и певцом этого «сурового края свободы».

И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга и утесы гор.
Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы...

Свобода и природа стали для поэта священными «с младенческих лет».

Хотя я судьбой на заре моих дней,
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

«От ранних лет» чувствовала его душа «порыв мятежный», родство с «жилищем вольности святой» и непреодолимое влечение к нему — к «волшебному краю» свободы и красоты.

Находясь на «милом севере», он все время мысленно переносился «в сторону южную», мечтал о ней, и вновь и вновь воспевал ее:

Тебе, Кавказ, суровый царь земли,
Я снова посвящаю стих небрежный.
Как сына, ты его благослови
И осени вершиной белоснежной!

От ранних лет кипит в моей крови
Твой жар и бурь твоих порыв мятежный;
На севере, в стране, тебе чужой,
Я сердцем твой — всегда и всюду твой.

Все это писалось в юном возрасте, до создания «Кинжала», «Мцыри», «Героя нашего времени», до встречи с Грузией.

Грузию в то время он еще не видел, но, безусловно, много о ней слышал и читал. Об этом свидетельствуют некоторые его произведения, написанные до 1837 года.

Так, в 1829 году Лермонтов пишет стихотворение «Грузинская песня», в автографе которого имеется такая приписка: «Слышано мною что-то подобное на Кавказе».

В поэме «Джулио» (1830 г.) читаем:

Средь гор кавказских есть, слышал я, грот,
Откуда Терек молодой течет...

В рукописи этой поэмы на первой странице рукой Лермонтова написано: «Я слышал этот рассказ от одного путешественника...».

Вспомним также, что в 1835-36 гг. в драме «Маскарад» Лермонтов нарисовал сатирический образ одного из тех са-трапов-карьеристов, которые «устремлялись в Грузию в поисках легкой наживы».

Установить круг людей, от которых поэт еще в детстве слышал рассказы о Грузии, почти невозможно. Лермонтова

в детстве три раза (1818, 1820, 1825) бабушка — Елизавета Алексеевна Арсеньева возила к своей сестре Е.А. Хасатовой, которая жила на Северном Кавказе, в станице Шелкозаводской (около Кизляра). В этой станице проживало несколько грузинских семейств. А на Кавказских минеральных водах в те времена бывало множество грузин и живших или служивших в Грузии русских, армян, азербайджанцев, с которыми, очевидно, общались Хасатовы.

... И вот осенью 1837 года ссыльный поэт впервые отправляется в Грузию.

И перед ним иной картины
Красы живые расцвели:
Роскошной Грузии долины
Ковром раскинулись вдали.

Он впервые видит то, о чем раньше только слышал или читал, - и бушующий Терек, и мрачно-величавую теснину Дарьяла, и знаменитый Крестовый перевал... Лермонтов жадно и с восхищением всматривается в «причудливые, как мечты», картины природы, бросает тележку и едет верхом. Он поднимается на снежную вершину Крестовой горы, откуда «видна половина Грузии как на блюдечке». Поэт находится на «самой возвышенной точке высот», которая разделяет природу на две резко контрастные части: там, позади, на севере — грозное ущелье Дарьяла, злобный рев Терека, суровое царство

гор, сказочных и диких; там, над разорванными облаками, гордо-торжественно возвышаются зубчатые вершины гранитных скал и «Казбек, Кавказа царь могучий, в чалме и ризе парчевой...». Впереди же — на юге — взору поэта открывается ковром раскинувшаяся чарующая панорама Арагвйской долины, мягкая и роскошная природа «миловидной Грузии», а еще дальше — «обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры...»

Природа Грузии очаровала и вдохновила Лермонтова на создание новых поэтических шедевров. В грузинском цикле его произведений прежде всего пленяют изумительные картины природы, нарисованные волшебной кистью художника. Лермонтов был несравнимым пейзажистом, великим живописцем нашего края. В его творчестве природа Грузии предстала во всем блеске своего величия, в своих «натуральных» красках и звуках. В лермонтовскую поэзию словно ворвался и забушевал буйный Терек, у горных вершин завязался «великий спор», и Казбек засиял, как «грань алмаза».

«Можно сказать без преувеличения, - писал В.Г. Белинский, - что поэт брал цвета у радуги, лучи у солнца, блеск у молнии, грохот у грома, гул у ветров, - что вся природа сама несла и подавала ему материалы».

Своеобразие лермонтовского пейзажа особенно ярко проявляется в изображении Терека, являющегося вообще одним из излюбленных объектов его лиры.

В описании Терека Лермонтов продолжает и развивает традиции пушкинских «Кавказа» и «Обвала». Его пейзаж выделяется не только конкретной предметностью, но и глубоким

лиризмом и социальным звучанием. Буйное течение мятежного Терека противопоставляется сковывающим и теснящим его «черным скалам», олицетворяющим тупые и деспотические силы. Если черная «трещина» Дарьяльского ущелья сравнивается в «Демоне» с «жилищем змея», то бушующий Терек, рвущийся из «теснины Дарьяла» на волю, окружается поэтическим ореолом. Весьма показательно признание, которое Лермонтов вкладывает в уста Терека:

Я родился у Казбека,
Вскормлен грудью облаков,
С чуждой властью человека
Вечно спорить был готов.

Таким образом, тема Терека у Лермонтова звучит, как гимн свободе, как прославление борьбы против мрачных и деспотических сил, против враждебной и чуждой власти.

Грузинский цикл лермонтовских произведений — это целый мир великолепных поэтических картин, изумительных картин, изумительных художественных образов, глубоких идей и идеалов.

Важнейшие и волнующие вопросы русско-грузинских отношений затрагиваются поэтом в «Споре» и «Мцыри». Сочувствуя «угрюмому Казбеку», олицетворяющему борьбу «горных орлов» с царизмом, Лермонтов оправдывает продвижение России на юг, ибо считает, что для Кавказа выгоднее

присоединиться не «к дряхлому Востоку», а к более развитой в промышленном и культурном отношении северной державе («Спор»).

В поэме «Мцыри» присоединение Грузии к России расценивается как безусловно прогрессивный акт, поскольку после этого многострадальная, истерзанная персидско-турецкими захватчиками Грузия получила возможность мирного развития, «не опасаясь врагов за гранью дружеских штыков».

На «Мцыри» следует остановиться подробнее, поскольку главный герой этой поэмы — «любимый идеал нашего поэта, это отражение в поэзии тени его собственной личности. Во всем, что ни говорит Мцыри, веет его собственным духом, проражает его собственной мощью» (В.Г. Белинский).

Монастырь, в котором с детства был заточен Мцыри, олицетворяет тюрьму, режим. Восстав против этого режима Мцыри бежал из монастыря, чтобы узнать, «для воли иль тюрьмы на этот свет родимся мы».

Несколько слов о заглавии «Мцыри».

Известно, что поэма вначале называлась иначе. На обложке тетради, содержащей рукописный текст и хранящейся в ИРЛИ, рукою Лермонтова написано: «Бэри — поэма», и тут же внизу, в примечании, — разъяснение автора: «Бэри по-грузински: монах».

В дальнейшем поэт отказался от этого заглавия и в сборник своих стихов 1840 года произведение включил под названием «Мцыри», сделав к нему примечание: «Мцыри» на грузинском языке значит «неслужащий монах», нечто вроде «послушника».

Принято считать, что Лермонтов отказался от «Бэри» потому, что это слово неприменимо к герою поэмы, еще не давшему монашеского обета. Такое объяснение кажется правильным, но недостаточным, не учитывающим некоторых других факторов.

Дело в том, что и «бэри», и «мцыри» - слова двузначные. «Бэри» по-грузински не только монах, но и пожилой человек, старик («бэри», «бебери»). Ни то, ни другое значения этого слова не применимы к лермонтовскому герою, поскольку он еще не монах, и не старик.

Но если «бэри» вдвойне не подходило к заглавию поэмы, то «Мцыри» было вдвойне удачным. «Мцыри» означает, во-первых, «послушник» и, во-вторых, что особенно важно, «пришелец», «чужеземец», прибывший добровольно или приведенный насильственно из чужих краев, одинокий человек, не имеющий вокруг себя ни родных, ни близких людей.

В «Грузинском лексиконе» великого ученого и писателя Сулхана-Саба Орбелиани (1658-1725) читаем: «Мцыри — это пришелец, находящийся и воспитывающийся в чужих краях, или очищающий душу и молящийся в святых местах».

Название «Мцыри» оказалось по своей семантике вполне соответствующим содержанию поэмы, поскольку ее герой был и «послушником», и пленником русского генерала, привезенным с Северного Кавказа в Грузию. Следует подчеркнуть, что это тоже кавказский пленник, но, в отличие от героя Пушкина и его многочисленных подражателей, - не русский, попавший на черкесский аркан, а кавказец, захваченный в плен русским генералом.

Любопытно, что по сравнению со словом «бэри», широко распространенным в грузинском языке, «мцыри» уже при Лермонтове считалось архаизмом (оно приобрело популярность благодаря поэме Лермонтова). Поэту мог сообщить это слово и разъяснить его значение, конечно, образованный грузин, хорошо знавший историю родного языка. Очевидно, Лермонтов читал поэму, законченную в августе 1839 года, еще до ее опубликования (1840) кому-либо из своих грузинских знакомых, по совету которого и изменил заглавие. Кто был этот грузин, нам, к сожалению, пока не известно.

Одним из богатейших источников лермонтовских произведений был грузинский фольклор. Как уже отмечалось, еще задолго до высылки на юг, в 1829 году, на основе каких-то слышанных на Северном Кавказе преданий, пятнадцатилетний поэт написал «Грузинскую песню» - первый у Лермонтова опыт подражания народной песне.

С 1837 года, после близкого ознакомления с нашим краем, творчески осваивая и перерабатывая грузинские сказки и легенды, Лермонтов создает блестящие произведения, поражающие самобытностью и художественной мощью.

Военно-Грузинская дорога, по справедливому замечанию П.А. Висковатова, «своими красотами и целой вереницей легенд особенно поразила поэта. Легенды ему были известны уже с детства, теперь они возобновились в его памяти, вставали в фантазии его, укреплялись в памяти вместе с то могучими, то роскошными картинами кавказской природы. Вот

тут-то и зародилась в Михаиле Юрьевиче мысль перенести место действия любимой его поэмы «Демон» на Кавказ».

Показательно, что над сюжетами «Мцыри» и «Демон» Лермонтов работал почти всю свою творческую жизнь, но после пребывания в Грузии заново их переработал, придав им законченный, художественно совершенный вид. Перенеся место действия «Мцыри» на берега Арагви, используя местные легенды и сказания, поэт создал новые редакции с новыми яркими образами и колоритными картинками.

Автор «Демона» сам намекает, что в поэме использованы народные предания.

На склоне каменной горы
Над Койшаурскою долиной
Еще стоят до сей поры
Зубцы развалины старинной.
Рассказов, страшных для детей,
О них еще преданья полны...
Как призрак, памятник безмолвный,
Свидетель тех волшебных дней,
Между деревьями чернеет,
Внизу рассыпался аул...

Аул этот – Гуда, Гуд-аул. Он «рассыпался» в Гудинском ущелье, в верховьях Арагви. Напомним, что в этих же местах находятся и Гуд-гора (на Крестовом перевале) и станция Гудаури (там же). Нет сомнения, что со всеми этими названиями связана и легенда о горном злом духе Гуде, которую поэт

использовал в «Демоне».

В Гудинском ущелье, повествует народное сказание, в бедной семье выросла красавица Нино. Ее красота очаровала духа гор Гуду так, что он готов был превратиться в простого смертного, лишь бы быть с ней. Он всячески заботился о девушке, пользовался каждым случаем, чтобы помочь ей своей силой и властью: когда Нино надо было подняться на гору, по велению Гуды гора превращалась в равнину. Но Нино любила молодого охотника Сосика, который также горячо ее любил и собирался на ней жениться. Все это знал горный дух. Он всячески старался расстроить женитьбу, погубить своего соперника: на охоте несколько раз пытался сбить его с пути, водил по глубоким оврагам и диким скалам, окутывал его тучами, преграждал путь снежными облаками. Но Гуде не удалось погубить мужественного Сосико. Однажды осенью Сосико женился на Нино.

Разъяренный Гуда направил на хижину молодоженов огромный снежный обвал. В темной сакле, под снеговой глыбой, Нино и Сосико продолжали жить и любить друг друга. Время шло. Наступил голод. И тогда чувство любви сменилось у Сосико чувством голодного зверя, и он впился зубами в тело жены... Неожиданно их спасли соседние крестьяне.

Злому духу оставалось довольствоваться тем, что он хоть на миг заглушил у Сосико чувство любви к Нино. Громовой хохот Гуды потряс все ущелье и самые высокие горы.

Легенда эта широко была распространена в Казбегском районе в различных вариантах. Один из вариантов был записан и опубликован еще в середине XIX века Н. Дункелем-Вел-

лингм, другие варианты – позже, другими исследователями.

Особенно следует отметить работы П.А. Висковатова. В противоположность авторам, считавшим поэму подражанием западноевропейским образцам, он еще в 80-е - 90-е годы XIX века указал на фольклорные источники «Демона».

К сожалению, высказывания Висковатова долго оставались вне поля зрения исследователей. Лишь в 1938 году автор этих строк (в то время студент Ленинградского университета) в своем докладе, прочитанном на заседании Лермонтовской комиссии Института русской литературы (Пушкинский дом) Академии наук СССР, напомнил о них и привел новые данные, неоспоримо доказывающие, что одним из главных источников «Демона» был грузинский фольклор, особенно легенда о Гуде. Доклад тогда же привлек внимание лермонтоведов. В статье, опубликованной 15 января 1939 года в «Литературной газете», Б.М. Эйхенбаум говорил о необходимости использовать приведенные в докладе материалы при подготовке академического издания М.Ю. Лермонтова.

Через несколько месяцев после этого в журнале «Красная новь» (№10-11) появилась статья И.Л. Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году», которая затем разрослась в книгу (впервые изданную в 1848 году). Используя изложенные в докладе сведения, а также ряд других материалов, И.Л. Андроников в своей работе показал тесную связь «Демона» и других произведений Лермонтова с грузинским фольклором. В дальнейшем этой проблемы касались многие литературоведы, причем не обошлось и без крайностей. Если раньше преувеличивали зависимость «Демона» от западноевропей-

ской литературы, то теперь некоторые исследователи начали преувеличивать его связь с кавказским фольклором.

Лермонтов, конечно, знал как произведения Мильтона, Мура, Байрона, де Виньи, так и легенду о Гуде и другие кавказские народные сказания, но он проявлял к ним сугубо творческое отношение.

Автор «Демона» основательно переработал не только первоначальные наброски поэмы, но и легенду о Гуде. Исходя из основной богоборческой идеи поэмы и повинуюсь законам творческой фантазии, Лермонтов неузнаваемо изменил содержание легенды: оставив центральным героем Демона, он придал имени Гуда (одному из персонажей сказания) окончание мужского рода (Гудал) и сделал его отцом героини. Героиню (которая в первых редакциях поэмы была безымянной и безликой монахиней) назвал не Нино, а тоже типичным для Грузии женским именем – Тамара; вместо Сосико (имя неблагозвучное для романтической поэмы) в произведении появляется «властитель Синодала», а вместо крестьянской хижины – высокий дом седого Гудала, воздвигнутый в виде угловой башни на живописном берегу Арагви.

Итак, живые впечатления, полученные поэтом во время путешествия по Грузии, народные сказания и легенды оказались для него «тайником богатых откровений», неисчерпаемым источником вдохновения. Если в ранних редакциях «Демона» действие развивалось вне времени и пространства, теперь, в новой редакции поэмы, появляются поражающие своим поэтическим великолепием и этнографической точностью картины природы и быта: сияющая, «как грань алмаза», вер-

шина Казбека и «излучистый Дарьял». «Терек, прыгающий, как львица», светлая Арагва и долины «роскошной Грузии», колоритные образы спешащего на брачный пир властителя Синодала и прекрасной Тамары.

С тех пор, как мир лишился рая,
Клянусь, красавица такая
Под солнцем юга не цвела.

В своих произведениях о Грузии, Кавказе Лермонтов в известной мере идеализировал этот «суровый край свободы», противопоставляя его императорской России, обитателям Зимнего дворца, но от пронизательного взора поэта не ускользнула и тяжелая жизнь «рабов» феодальной Грузии.

Вспомним, что тот самый «высокий дом, широкий двор», который

седой Гудал себе построил...
трудов и слез он много стоил
рабам, послушным с давних пор.

На фоне великолепного пейзажа Крестового перевала особенно жалкой выглядит нищенская грузинская сакля, прилепленная «одним боком к скале». «У огня сидели две старухи, множество детей и один худощавый грузин, все в лохмотьях», — пишет Лермонтов в «Герое нашего времени».

В одном из своих лирических шедевров Пушкин писал

Кастальский ключ волною вдохновенья
В степи мирской изгнанников поит.

Грузия была тем самым «кастальским ключом», который вдохновлял многих поэтов-изгнанников, и первое место среди них занимает Лермонтов, воспевавший наш край с такой пламенной любовью и в такой чарующей поэтической форме, что его «грузинские произведения» вошли в золотой фонд русской и мировой литературы как бессмертные художественные творения гения. Лермонтов «заплатил полную дань волшебной стране, поразившей лучшими, благодатнейшими впечатлениями его поэтическую душу» (В.Г. Белинский).

Вано ШАДУРИ

Подготовила Нина Зардалишвили-Шадури

Шадури Вано Семенович (1911-1988) — историк литературы, лермонтовед, доктор филологических наук, профессор Тбилисского государственного университета. Выпускник Ленинградского государственного университета. Заведующий кафедрой истории русской литературы ТГУ (1950-1988). Автор и составитель 42 книг, а также сотен статей о русских писателях и русско-грузинских литературных взаимоотношениях. Один из авторов «Лермонтовской энциклопедии».

П.Е. Заболотский. М.Ю. Пермонтов
в ментике лейб-гвардии
Гусарского полка. 1837

მ. ლერმონოვი

მწირი

(ნაწყვეტი)

არა-მრავალთა წელიწადს წინა,
იქ, სად ერთიან და გააქვს გრგვინვა
ორთა მდინარეთ, არაგვსა და მტკვარს,
რომელნიც დურად ჩართულ ხელი-ხელ
მიაქანებენ ქვე თვის მღვრიე წყალს –
იქ მონასტერი ყოფილა ერთხელ,
დღესაცა მგზავრი მთებიდამ ხედავს
ბოძებს, დაქცეულს ალაყაფის კარს,
დღესაც ჩანს ბურჯი, თალი საყდრისა,
მაგრამ მის ქვეშე საცეცხლურისა
სურნელი ბოლი აღარა ბოლავს
და განთიადის საღვთო გალობას
მლოცავთა ბერთა ვერ ისმენს მგზავრი.
ეხლა მარტოკა იქ ცოცხალ-მკვდარი –
ნანგრევთა მცველი, მოხუცებული,
კაცი, სიკვდილით დავიწყებული –
მტვერსა აშორებს საფლავისა ქვებს,
რომელთ ნაწერნი მოგვითხრობს, გვამცნობს, –

ვითარ ჰქონიათ ადრე დიდება,
 ვით წართმევიათ ბედნიერება,
 როს ქართველთ მეფე ამა დ'ამ წელსა
 რუსს აბარებდა თვის ერთგულ ერსა.

 მას აქეთ, რაცა კურთხევა ღვთისა
 მიეცა ტანჯულს ივერიის ერს,
 რაც კარგი ექნას რუსისა შტიკსა,
 ღმერთმა იმ რუსსვე ასკეცად მისცეს.

||

ერთხელ ვიღაცა რუსთ ღენერალი
 ტფილისს ვიდოდა მთით მომავალი.
 ტყვედ ყრმა მოჰყვანდა ექვსისა წლისა,
 ავად გახდოდა, ყრმას შეჭირვება
 ვერ გადეთანა შორისა გზისა;
 ღერწმივით სუსტით ტანით იხრება,
 ის ფრთხის, შიშობს ვით ქურციკი მთისა,
 მაგრამ მტანჯველმა სენმა იმ ყრმასა
 ვერ აუჩვილა მომთმენი გული
 და მხოლოდ გახსნა მასში იმ ჟამსა

მის მამა-პაპის ძლიერი სული.
 უწყალო სენით იქანცებოდა,
 უჩივრად, ტანჯვით სენსა ებრძოდა,
 მაგრამ არც სულთქმა, არც მცირე კვნესა
 ან წასცდენია მის ნორჩ ბაგესა...
 სასმელ-საჭმელი ეზიზღებოდა
 და ამაყად და მშვიდად კვდებოდა.
 სიბრალულითა ერთ კეთილ ბერმა
 თვისსა სენაკში მიიღო ის ყრმა.
 რა შეეფარა მფარველ კედლებსა,
 ბერთ მზრუნველობით გადურჩა სენსა.
 მაგრამ პირველად ყმანვილურ ლხენას
 როგორცა უცხო გაექცევოდა,
 ერიდებოდა საბრალო ყველას
 და მარტო ხოლმე დაეთრევოდა, –
 სულ მარტო, უხმოდ, დაღონებული...
 ოხვრით შესჭვრეტდა აღმოსავლეთსა,
 თვის სამშობლოზე ურვით მოკლული –
 ცაზედ ეძებდა მშობლიურ მთებსა.
 მერეთ ემონა ტყვეობას ისა,
 იწყო გაგება უცხო ენისა;
 მონათლა იგი ბერმა კიდევცა,
 და როცა უნდა ჯერ ქვეყნის უცნობს,

სამონაზონო აღთქმა მიეცა, –
 გაექცა იგი თვის საბყრობილოს
 ერთ შემოდგომის წყვდიად ღამეში
 და დაიკარგა დაბურულ ტყეში.
 ამაოდ ჩანვლეს სამ დღის ძებნათა,
 ვერ მიხვდნენ იმა ყმანვილის კვალთა,
 მერეთ კი იგი გულშემოყრილი,
 გაფითრებული და ფერმიხდილი, –
 უგრძნო მდებარე ველზედა ჰჰოვეს
 და მონასტერში კვლავ მოიტანეს.
 საშინლად იყო გაყვითლებული,
 ისე გამხდარი, მისუსტებული,
 თითქოს შიმშილი ან სნეულება,
 ან დიდი ხნისა რამ შეჭირვება
 გამოუცდია, მოუთმენია
 და საბრალოსა ზედ დასჩნევია.
 კითხვაზედ პასუხს არვის ეტყოდა,
 დღე-და-ღღე უფრო ცხადად ჭკნებოდა.
 მიუახლოვდა მას აღსასრული...
 მაშინა ბერი მოხუცებული
 მოვიდა მასთან დარიგებითა,
 ლოცვებითა და მუდარებითა.
 ამაყად ტყვემა ის მოისმინა,

თვის სუსტი ღონე შემოიკრიფნა,
წამოიწია, ტანჯვით წამოჯდა,
და დიდხანს იგი ამას ამბობდა:

III

„ჩემს აღსარების მოსასმენლად,
გმადლობ, მოსულხარ, წმინდა მამაო!
რაც უნდა იყოს, თუმც ჩანს ძნელადა,
მაინც კარგია მწარე სიტყვებით
შემსუბუქება მოკლულ გულისა,
მოთხრობა ტანჯვის ხვედრისა ხელით
იმ გულის სიღრმეს ჩამარხულისა.
მხოლოდ კაცთათვის კი ბოროტება
მე არ მიქნია მისთვისც ცხოვრება
ჩემი ფუჭია თქვენ გასაგონად.
ახსნა კი სულის არა მაქვს ღონად!
სიცოცხლე მქონდა, თვით იცი, მცირე,
ისიც ტყვეობას წყეულს შევწირე;
მისთანას ორსა ერთს სიცოცხლეზედ,
მგრგვინავ ბრძოლითა მხოლოდ სავსეზედ,
გავსცვლიდი, თუ რომ მე შემძლებოდა...
ერთს განზრახვასა ეს გული სცნობდა,
ერთს გულთქმას, მაგრამ ცეცხლებრ ანთებულს,

იგი ვით ქია ჩემში ცხოვრობდა,
 იგი მიღრღნიდა და სდაგავდა სულს!
 იგი ჩემს ფიქრებს განუძახებდა“
 ამ ბნელ სენაკით და ლოცვებისგან,
 იმ გასაოცარ მებრძოლ, შფოთიან
 ქვეყნისაკენა, სადაც ღრუბლისგან
 კლდენი შავადა ჩაცმულ არიან,
 სადაცა კაცნი თავისა ხმლითა
 თავისუფლობენ არწივსავითა.
 ღამეში ბნელში, მდულარე ცრემლით,
 ტანჯვით, ნუხილით, კვნესით, ვაებით,
 მე ის გულისთქმა გამიზარდნია.
 მასზედ მიოხრავს და მიდარდნია.
 და ეხლა ქვეყნის და ზეცის წინა,
 ამ უკანასკნელ ჩემ წამსა შინა,
 მას ვაღიარებ ხმა ამაღლებით.
 თუნდ იყოს ცოდვა თქვენიცა ცნებით —
 მის მოტევენას არ გევედრებით.

...

IV

„მოხუცო! ბევრჯერ მომისმენია,
 რომ სიკვდილისგან მოგირჩენია

შენ ჩემი თავი; მითხარ, რისთვისა?
ამ დაჩაგრულის სიცოცხლისთვისა?
როგორც ნანყვეტი მეხით ფოთოლი,
დაღონებული, მარტო, ობოლი,
ამ ბნელ კედლებში გამზარდა ბედმა,
ბედითა ბერი და სულით კი ყრმა.
მე აქ კაცისთვის არ შემეძლო თქმა
ღვთიურ სიტყვების „მამა და დედა“...
გული მენოდა ობლობაზედა.
მე, მჯერა, ბერო, რომ ისურვებდი,
რომ მე ამ უტკბეს მშვენიერ სიტყვებს
ამ უდაბნოში გარდავჩვევოდი;
ამაოდ! გული ვერ დაივინწყებს
მას, რომლის ხმანი მასთან ჩენილან
და აქამომდე შიგ ალბეჭდილან.
ვხედავდი – სხვებსა ჰყავთ მეგობარნი,
აქვს ტკბილ სამშობლი, სახლი და კარნი,
ნათესავნი ჰყავთ; – თავსა ვვაებდი,
ჩემთვისა იმად ველარ ვპოვებდი,
არამც თუ ცოცხალთ – იმათ სამარეს...
მაშინ რა ფუჭსა აღარ ვღვრიდი ცრემლს...
გულში წარმოვსთქვი ჩუმად ფიცი მე,
რომ ერთს წუთს მაინც, ერთს წუთს როდისმე

ეს მკერდი ჩემი – მთლად ანთებული
ტანჯვით, წუხილით, მივაპყრა სხვა მკერდს,
თუნდ სძგერდეს მასში უცნობი გული,
ეკუთვნიდეს კი ჩემს მშობლიურ თემს.
ვაი! ოცნება იგი შემკული –
ეხლა აღმესპო შენი მშვენებით სრული,
და ვით ვიცოცხლე უცხო ქვეყნადა –
ისიც მოგკვდები ობლად, მონადა.

1859 წ.

ილია ჭავჭავაძის თარგმანი

მწირი

1

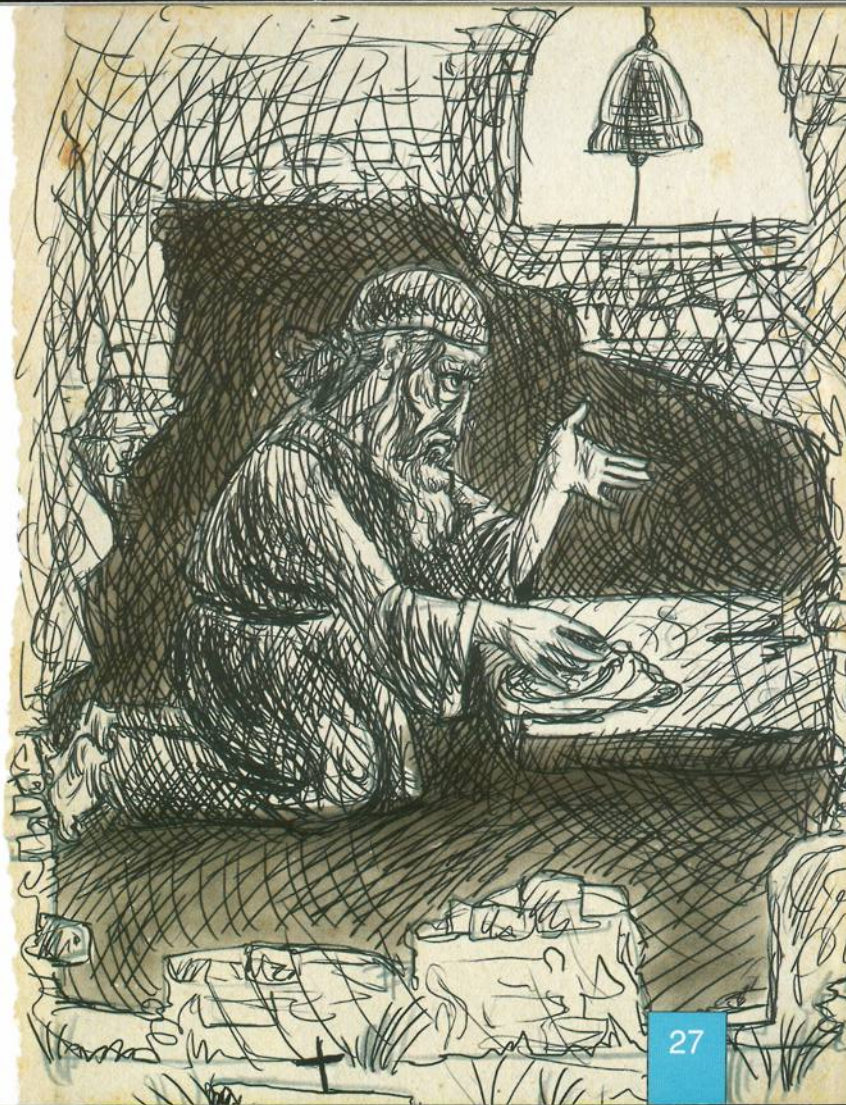
მას შემდეგ ცოტა გასულა ხანი:
სადაც მტკვრისა და არაგვის წყალნი
ერთმანეთს გრგვინვით უერთებიან
და ჩახვეულან, თითქოს დებია,
იქ მონასტერი იყო; და ახლაც
მგზავრი მთებიდან შორს დაინახავს
ნამზღვლევი ჭიშკრის ამართულ სვეტებს,
ტაძრის კამარას და კოშკის წვეტებს.
მაგრამ საცეცხლურთ საამო ბოლი
იქ აღარ ადის ზეცისკენ სრბოლით.
გვიან, ღამ-ღამე ან აღარ ისმის
ღვთის მავედრებელ ბერთ ღალადისი.
დღეს იმ ნანგრევთა დარაჯი წყნარი,
ერთი მოხუცი, ძლივს ფეხზე მდგარი,
ვინც ხალხს და სიკვდილს დავიწყებია,
მტვერს აცლის ლოდებს წარწერებიანს,
წარსულ დიდებას რომ გვაუწყებენ,
ან მას, თუ როდის, რომელმა მეფემ,

МЦЫРИ

*Вкушая, вкусих мало меда,
и се аз умираю.*

1-я Книга Царств

1
Немного лет тому назад,
Там, где, сливаясь, шумят,
Обнявшись, будто две сестры,
Струи Арагвы и Куры,
Был монастырь. Из-за горы
И нынче видит пешеход
Столбы обрушенных ворот,
И башни, и церковный свод;
Но не курится уж под ним
Кадильниц благовонный дым,
Не слышно пенье в поздний час
Молящих иноков за нас.
Теперь один старик седой,
Развалин страж полуживой,
Людьми и смертью забыт,
Сметает пыль с могильных плит,
Которых надпись говорит
О славе прошлой - и о том,

დამძიმებული გვირგვინის დახრით
რუსეთს გადასცა თავისი ხალხი.
და საქართველოს მოჰფინა ციდან
მადლი უფალმა. ის აღორძინდა,
ყვავილობს თავის ბაღების ჩრდილში,
და რადგან იცავს მეგობართ ხიშტი,
მტრის შემოსევის აღარ აქვს შიში.

2

თურმე აქ ერთხელ რუს გენერალსა,
მთიდან წამოსულ თბილისის მგზავრსა,
ერთი პანია ტყვე ბავშვი ახლდა.
უეცრად ბავშვი შეუძლოდ გახდა,
მოქანცულიყო ძნელ მგზავრობაში.
ასე, ექვსი წლის თუ იყო ბავშვი, –
ლერწმის მთრთოლვარე და სუსტი ტანით,
არჩვივით ფრთხილი და გარეგანი.
მაგრამ მას მისცა მტანჯველმა სნებამ
თვის წინაპართა უდრეკი ნება.
ისე უძლებდა ტკივილებს უჩვევს,
რომ ერთი კვნესაც მის ბავშვურ ტუჩებს
არ დასცდენია. საჭმელზე მწყრაღად
თავს გაიქნევდა, არ მიიკარა.
კვდებოდა იგი ამაყად, წყნარად.
მას ერთმა ბერმა მიხედა მაშინ,
შეჰბრალებოდა სნეული ბავშვი.
მამობრივ ზრუნვით გადაარჩინა

Как, удручен своим венцом,
Такой-то царь, в такой-то год,
Вручал России свой народ.

И божья благодать сошла
На Грузию! Она цвела
С тех пор в тени своих садов,
Не опасая врагов,
За гранью дружеских штыков.

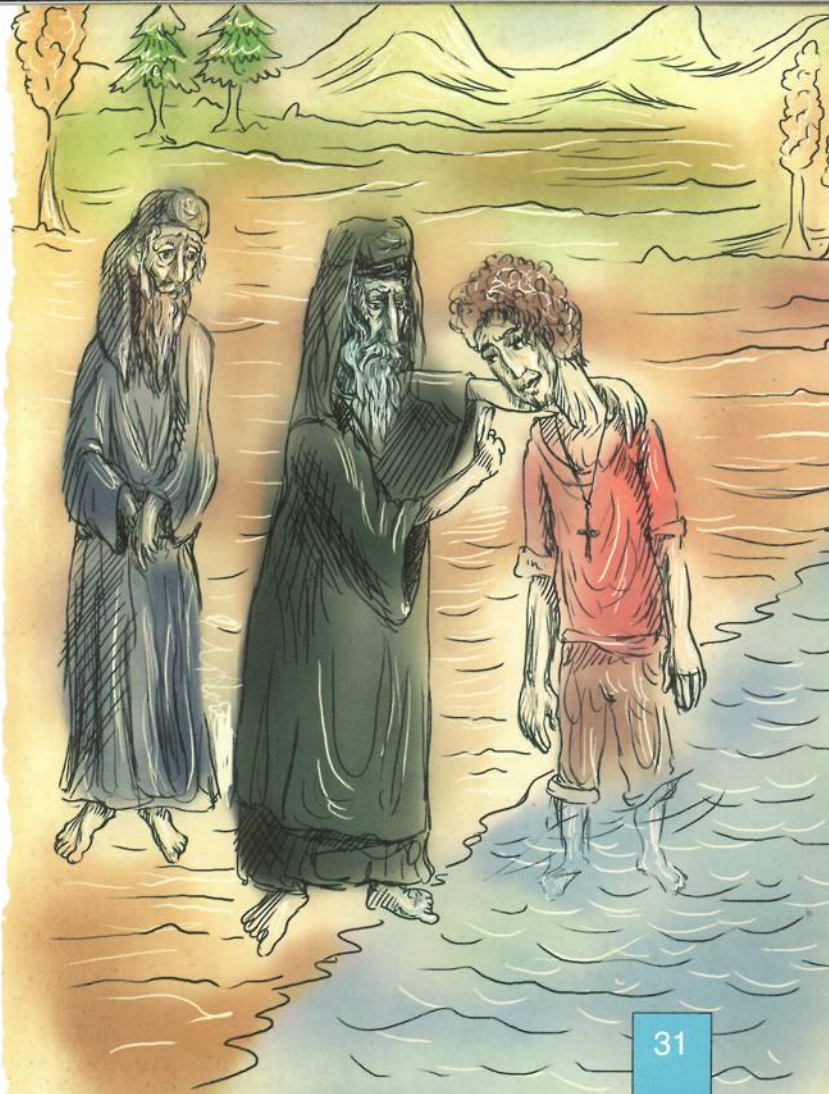
2
Однажды русский генерал
Из гор к Тифлису проезжал;
Ребенка пленного он вез.
Тот занемог, не перенес
Трудов далекого пути;
Он был, казалось, лет шести,
Как серна гор, пуглив и дик
И слаб и гибок, как тростник.
Но в нем мучительный недуг
Развил тогда могучий дух
Его отцов. Без жалоб он
Томился, даже слабый стон
Из детских губ не вылетал,
Он знаком пищу отвергал
И тихо, гордо умирал.
Из жалости один монах

და მონასტერში მისცა მას ბინა.
მოშორებული იქ ბავშვურ ლხენას,
იგი პირველად უფროთხოდა ყველას,
ეხეტებოდა მარტოდ, მდუმარი,
ტანჯავდა სევდა მას იდუმალი
მშობელ მხარეზე, ოხრავდა მწარედ,
გაუშტერებდა როს მაშრიყს თვალებს.
მაგრამ თანდათან ტყვეობას, თმენას
ერჩევა, ესმის მას უცხო ენაც,
უკვე მონათლა ის წმინდა მამამ;
სიცოცხლით სავსემ, ესოდენ ყრმამა,
რომ არ უნახავს ზღვა ცხოვრებისა,
აი, უნდა თქვას აღთქმა ბერისა, –
და შემოდგომის ერთ ღამეს იგი
უეცრად გაქრა. ქედებზე ირგვლივ
აღმართულიყო შავი ტყე ცამდის.
მის ძიებაში სამი დღე გადის,
მაგრამ ამაოდ... და ბოლოს ველად
ნახეს მწოლარე ის უგრძნობელად.
წამოიყვანეს კვლავ მონასტერში,
ძლიერ გამხდარი, აღარ აქვს ეშხი,
სუსტია, თითქოს ხანგრძლივმა ჯაფამ,
სენმა, შიმშილმა დღე მოუსწრაფა.
კითხვებზე პასუხს არ იძლეოდა
და დღენიადაგ თვალწინ დნებოდა,
უკვე დაედო სიკვდილის ფერი.
და მაშინ მასთან მივიდა ბერი,

Больного призрел, и в стенах
Хранительных остался он,
Искусством дружеским спасен.
Но, чужд ребяческих утех,
Сначала бегал он от всех,
Бродил безмолвен, одинок,
Смотрел, вздыхая, на восток,
Гоним неясною тоской
По стороне своей родной.
Но после к плену он привык,
Стал понимать чужой язык,
Был окрещен святым отцом
И, с шумным светом незнаком,
Уже хотел во цвете лет
Изречь монашеский обет,
Как вдруг однажды он исчез
Осенней ночью. Темный лес
Тянулся по горам кругам.
Три дня все поиски по нем
Напрасны были, но потом
Его в степи без чувств нашли
И вновь в обитель принесли.
Он страшно бледен был и худ
И слаб, как будто долгий труд,
Болезнь иль голод испытал.
Он на допрос не отвечал
И с каждым днем приметно вял.
И близок стал его конец;

რჩევით, მუდარით წარუდგა წინა,
მწირმაც ამაყად მას მოუსმინა,
ძალმოკრებილი წამოჯდა ტახტზე
და დიდხანს, დიდხანს ამბობდა ასე:

3

„გმადლობ, მოსულხარ დაუზარელად,
რომ მომისმინო მე აღსარება.
სჯობს ვინმეს ვუთხრა მეც ხვაშაიდი,
შევიმსუბუქო მით გულის დარდი.
მე არ მიქნია კაცთათვის ავი
და ამიტომაც ჩემი ამბავი
შენ სასარგებლოს ვერაფერს შეგძენს...
სული მოგიტხრობს — განა ვინ შეძლებს?!
ცოტა ვიცხოვრე ტანჯულმა ტყვედა,
მე ორ ამნაირ სიცოცხლეს ერთად,
აბობოქრებულ ერთ ცხოვრებაზე,
რომ შემძლებოდა, გავცვლიდი წამსვე.
მე ერთი ფიქრის დავდებდი ნებას,
ერთადერთს, მაგრამ ცეცხლოვან გზნებას,
ჩემში ცხოვრობდა ის, როგორც ჭია,
დაუნვავეს სული და დაულრღნია.
ბნელ სენაკთაგან და ლოცვათაგან
ის ჩემს ოცნებას გზავნიდა სხვაგან,
მთებში, სად ბრძოლის, შფოთვის ხმებია,
სად კლდენი ღრუბლებს შეჰფარებიან,
სად არწივივით კაცია ლალი;

Тогда пришел к нему чернец
С увещеваньем и мольбой;
И, гордо выслушав, больной
Привстал, собрав остаток сил,
И долго так он говорил:

3
«Ты слушать исповедь мою
Сюда пришел, благодарю.
Все лучше перед кем-нибудь
Словами облегчить мне грудь;
Но людям я не делал зла,
И потому мои дела
Немного пользы вам узнать,
А душу можно ль рассказать?
Я мало жил, и жил в плену.
Таких две жизни за одну,
Но только полную тревог,
Я променял бы, если б мог.
Я знал одной лишь думы власть,
Одну - но пламенную страсть:
Она, как червь, во мне жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
От келий душных и молитв
В тот чудный мир тревог и битв,
Где в тучах прячутся скалы,
Где люди вольны, как орлы.

გამომიკვებავს ცრემლებით, ნალვლით
ეს მისწრაფება იდუმალ, ღამით,
სწორედ ამ სწრაფვას დღეს სითამამით
ცის და ქვეყნის წინ ვაცხადებ, კმარა...
და პატიებას არ ვითხოვ, არა.

4

„მოხუცო, ხშირად მაქვს მონასმენი,
რომ სიკვდილისგან შენ დამიხსენი.
რისთვის? ქუხილში ხეს მოგლეჯილი
ერთი ფოთოლი, დღემოკლე, ჩვილი,
ვიზარდე ტაძრის ბნელ გალავანში
მე ბედით ბერი და სულით ბავშვი,
წმინდა სიტყვები: „დედა“ ან „მამა“
აქ ვერვის ვუთხარ გულნალვლიანმა.
მოხუცო, ვიცი, შენაც გენება
ამ სავანეში ტკბილი ხსენება
დამეწყებოდა ჩემს მახლობელთა;
ამაოდ... იშვენ თვით ჩემთან ერთად
იგი სიტყვები. ვხედავდი სხვათა
სახლს, მამულს, ნაცნობს და ნათესავთა.
მე კი, არათუ ძვირფასთა სახე,
მათი საფლავიც კი ვერა ვნახე.
არ დამიღვრია ამაოდ ცრემლი
და გულში ფიცი წარმოვთქვი წყევლით:
ოდესმე ჩემი მხურვალე მკერდით,
დე, ყოფილიყო ეს წუთი ერთი,

Я эту страсть во тьме ночной
Вскормил слезами и тоской;
Ее пред небом и землей
Я ныне громко признаю
И о прощенье не молю.

4
Старик! я слышал много раз,
Что ты меня от смерти спас -
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах.
Я никому не мог сказать
Священных слов «отец» и «мать».
Конечно, ты хотел, старик,
Чтоб я в обители отвык
От этих сладостных имен, -
Напрасно: звук их был рожден
Со мной. И видел у других
Отчизну, дом, друзей, родных,
А у себя не находил
Не только милых душ - могил!
Тогда, пустых не тратя слез,
В душе я клятву произнес:
Хотя на миг когда-нибудь
Мою пылающую грудь
Прижать с тоской к груди другой,

თუნდ უცნობს, მაგრამ მშობლიურ მკერდსა
მე მივყრდნობოდი და მემცნო კვნესა,
ეჰ! იგი ფიქრნი გამშორდნენ უკვე,
ტურფად გაშლილნი რომ დამელუზნენ,
და ვით ვცხოვრობდი მე უცხო მხარეს,
მონა, ობოლი დაეხუჭავ თვალებს.

5

მე არ მაშინებს საფლავი, არა...
ამბობენ: ტანჯვას მის ცივ და მარად
მყუდროებაში დასძინებია,
მაგრამ სიცოცხლეც დამნანებია.
მე ყმანვილი ვარ, ყმანვილი... იქნებ
ლალი სიყრმისას შენც იცნობ ფიქრებს,
ან იცნობდი და დაგვინყებია,
თუ როგორ გძულდა ან გყვარებია,
რა აჩქარებით გიცემდა გული,
როცა კოშკიდან თვალანთებული
მზეს გასცქეროდი და მინდორ-ყანას,
სად ჰაერია გრილი, და ხანაც,
სად შორეული ქვეყნისა შვილი,
კედლის ღრმა ხვრელში შემოფრენილი
ზის, მიჰყრდნობია კოშკის ხავეს მკერდით
გრგვინვით შემკრთალი ჯერ ნორჩი მტრედი?
და თუ მოგებზრდა შენ მრავალფერი
ქვეყნის სიტურფე, სუსტი ხარ, ბერი,
გადასჩვევიხარ ქვეყნიურ ვნებას.

Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья те
Погибли в полной красоте,
И я как жил, в земле чужой
Умру рабом и сиротой.

5

Меня могила не страшит:
Там, говорят, страданье спит
В холодной вечной тишине;
Но с жизнью жаль расстаться мне.
Я молод, молод... Знал ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не знал, или забыл,
Как ненавидел и любил;
Как сердце билось живой
При виде солнца и полей
С высокой башни угловой,
Где воздух свеж и где порой
В глубокой скважине стены,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидит, испуганный грозой?
Пускай теперь прекрасный свет
Тебе постыл; ты слаб, ты сед,
И от желаний ты отвык.
Что за нужда? Ты жил, старик!
Тебе есть в мире что забыть,

შენ გიცხოვრია. მეტი რა გნებავს!
ალარაფერი გეუცხოვება.
მეც ხომ შემეძლო ქვეყნად ცხოვრება!..

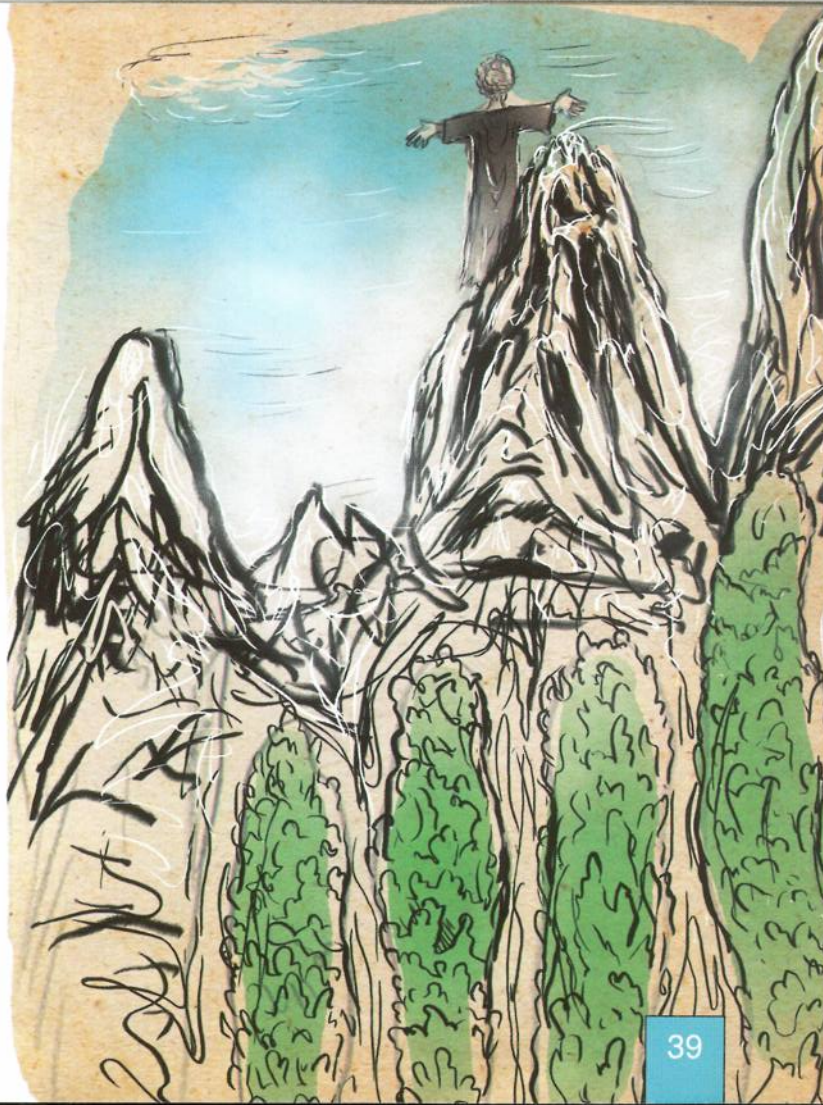
6

შენ გასურს იცოდე, გაჭრილმა მარტოდ
იქ რა ვიხილე? – მინდვრები ფართო...
მე იქ ვიხილე ბორცვთა ბიბინი,
ირგვლივ შემოზრდილ ხეთა გვირგვინით,
თითქოს ჯგუფ-ჯგუფად მოხმაურენი,
ფერხულს ძმებივით უვლიდნენ ხენი.
ვნახე გროვანი მე პირქუშ კლდეთა,
ოდეს ღვართაფი მათ შუა კვეთდა.
იმ კლდეთა ფიქრებს ვხედავდი ნათლად,
ასეთი ნიჭი ცით მომემადლა.
დიდი ხანია ქვის მკლავთა გაშლით
ჰაერში დგანან და ყოველ ნამში
ფიქრობენ, ერთუერთს რომ მისწვდებიან,
მაგრამ დღეები, წლები ქრებიან,
ვერა, ვერასდროს შეერთდებიან!
მე იქ ვიხილე მაღალნი მთანი,
გასაოცარნი, ვით ოცნებანი,
როცა რიჟრაჟი წითლად ღვიოდა,
ვით საკურთხევლებს, კვამლი სდიოდათ
იმათ მწვერვალებს მტრედისფერ ცაში;
ლამის იდუმალ ბინიდან აშლით,
აღმოსავლეთის მიმართულებით

Ты жил, - я также мог бы жить!

6

Ты хочешь знать, что видел я
На воле? - Пышные поля,
Холмы, покрытые венцом
Дерев, разросшихся кругом,
Шумящих свежою толпой,
Как братья в пляске круговой.
Я видел груды темных скал,
Когда поток их разделял.
И думы их я угадал:
Мне было свыше то дано!
Простерты в воздухе давно
Объятья каменные их,
И жаждут встречи каждый миг;
Но дни бегут, бегут года -
Им не сойтись никогда!
Я видел горные хребты,
Причудливые, как мечты,
Когда в час утренней зари
Курились, как алтари,
Их выси в небе голубом,
И облачко за облачком,
Покинув тайный свой ночлег,
К востоку направляло бег -
Как будто белый караван
Залетных птиц из дальних стран!

ერთურთს მისდევდნენ ღრუბლის ქულები
ფრინველთა თეთრი ქარავნის დარად,
უცხო ქვეყნისკენ რომ გაეჩქარა,
და ნისლებს შორის მოჩანდა მკრთალად
თოვლით მბრწყინავი, როგორც ალმასი,
იგი ჭალარა, მტკიცე კავკასი.
არ ვიცი მაშინ რა დამემართა,
ჩემს გულს ესოდენ რად ეხალვათა.
ხმამ იდუმალმა მე შემასმინა,
რომ მეც ოდესღაც იქ მქონდა ბინა,
და ჩემს ხსოვნაში ამოიხატა
იგი წარსული სულ უფრო ცხადად.

7

და თითქოს თვალწინ მესახებოდა
სახლი მამისა, ჩვენი ხეობა,
მიმოფანტული ჩრდილში აული;
მესმოდა მწუხრის მე ჟრიაბული,
ოდეს შინ ილტვის ნახირთა წყება
და ნაცნობ ძაღლთა გაისმის ყევა...
იქ, ჩვენი სახლის აივნის ახლოს,
მთვარის ნათელში, სალამოს, მახსოვს,
იჯდა შავგვრემან მოხუცთ კრებული,
საქმიან სახით, ჩაფიქრებული,
და მოვერცხლილი ჩანდა კაშკაშით
მათი ხანჯლების გრძელი ქარქაში...
როგორც სიზმარში, ბინდბუნდად, ჩქარა,

Вдали я видел сквозь туман,
В снегах, горящих, как алмаз,
Седой незыблемый Кавказ;
И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил,
И стало в памяти моей
Прошедшее ясней, ясней...

7

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше и кругом
В тени рассыпанный аул;
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов.
Я помнил смуглых стариков,
При свете лунных вечеров
Против отцовского крыльца
Сидевших с важностью лица;
И блеск оправленных ножен
Кинжалов длинных... и как сон
Все это смутной чередой
Вдруг пробежало предо мной.
А мой отец? он как живой
В своей одежде боевой
Являлся мне, и помнил я

ამ სურათებმა წინ ჩამიარა.
 თვით ჩემი მამაც გამომეცხადა,
 მხედრულ სამოსში სულ ცოცხალს ჰგავდა.
 და წარმომიდგა კვლავ საცნაური –
 ბრწყინვა თოფისა, ჩაჩქნის ხმაური,
 მზერა ამაყი, შეუპოვარი,
 ყმანვილი დების სიმღერა წყნარი,
 მათი თვალები — ნაზ შუქით სავსე,
 რომ დასდგომოდნენ ჩემს აკვანს თავზე.
 ქვევით მდინარე ხევს ჩაუვლიდა,
 ღრმა როდი იყო, თუმც ქუხდა დიდად.
 და სათამაშოდ იქ შუადღისას
 ვწვევდით ოქროს ნაპირებს მისას.
 ვუცქერდი ფრენას სწრაფ მერცხლებისას,
 როცა წვიმის წინ სულ დაბლა ქროდნენ,
 მდინარის ტალღებს ფრთით ეხებოდნენ.
 და მომაგონდა ის მყუდრო სახლი,
 სად საღამოთი, ცეცხლის წინ, ნალვლით
 ბევრს გვიამბობდნენ, თუ ჩვენი ხალხი
 იმ შორ წარსულში როგორ ცხოვრობდა,
 როს მინას მეტი სიტყურფე ჰქონდა!..

8

რას ვაკეთებდი გაჭრილი სოფლად?
 ო, იმ სამ ნეტარ დღის შეუცნობლად,
 მწამს, იქნებოდა სიცოცხლე ჩემი
 უფრო შავბნელი და მოსაწყენი,

Кольчуги звон, и блеск ружья,
И гордый непреклонный взор,
И молодых моих сестер...
Лучи их сладостных очей
И звук их песен и речей
Над колыбелию моей...
В ущелье там бежал поток.
Он шумен был, но неглубок;
К нему, на золотой песок,
Играть я в полдень уходил
И взором ласточек следил,
Когда они перед дождем
Волны касались крылом.
И вспомнил я наш мирный дом
И пред вечерним очагом
Рассказы длинные о том,
Как жили люди прежних дней,
Когда был мир еще пышней.

8

Ты хочешь знать, что делал я
На воле? Жил - и жизнь моя
Без этих трех блаженных дней
Была б печальней и мрачней
Бессильной старости твоей.
Давным-давно задумал я
Взглянуть на дальние поля,
Узнать, прекрасна ли земля,

ვიდრე უძლური სიბერე შენი.
 დიდი ხანია მე მქონდა ზრახვად
 შორი ველები კვლავ დამენახა;
 გამეგო მინა ჰყვავის თუ გახმა,
 შემეცნო, ქვეყნად რად გავჩნდით, რისთვის?
 ლალ ცხოვრებისთვის თუ ტყვეობისთვის.
 და ერთხელ ღამით, საშინელ ღამით,
 როს ჭექა-გრგვინვის ისმოდნენ ხმანი,
 ოდეს შემკრთალი თქვენ ყველა ერთად
 პირქვე დაემხეთ საკურთხეველთან,
 მე გავიქეცი. ო, როგორც ძმასა,
 მოვეხვეოდი იმ ქარიშხალსა...
 თვალს ვადევნებდი ღრუბელთა ღელვას...
 ხელით ვიჭერდი ხასხასა ელვას;
 თქვი, ამ კედლებში, ბერო, ხნიერო,
 ვინ რას მომცემდით სამაგიეროდ
 გრიგალთან მშფოთვარ გულის ძმობისა,
 ხანმოკლე, მაგრამ ცოცხალ გრძნობისა?

9

დიდხანს გავრბოდი... საითკენ? სადა?
 არ ვიცი! ჩემს გზას არ დაჰბრწყინავდა
 ერთი ვარსკვლავიც იმ უკუნეთში.
 და მაამებდა, როდესაც მკერდში,
 სადაც ცხოვრობდა მტანჯველი დარდი,
 გრილი ტყის ჰაერს ჩავისუნთქავდი.
 დიდხანს ასე დავრბოდი. ბოლოს,

Узнать, для воли иль тюрьмы
На этот свет родимся мы.
И в час ночной, ужасный час,
Когда гроза пугала вас,
Когда, столпясь при алтаре,
Вы ниц лежали на земле,
Я убежал. О, я как брат
Обняться с бурей был бы рад!
Глазами тучи я следил,
Рукою молнию ловил...
Скажи мне, что средь этих стен
Могли бы дать вы мне взамен
Той дружбы краткой, но живой,
Меж бурным сердцем и грозой?..

9

Бежал я долго - где, куда?
Не знаю! ни одна звезда
Не озаряла трудный путь.
Мне было весело вдохнуть
В мою измученную грудь
Ночную свежесть тех лесов,
И только! Много я часов
Бежал, и наконец, устав,
Прилег между высоких трав;
Прислушался: погони нет.
Гроза утихла. Бледный свет
Тянулся длинной полосой

როს მოვიქანცე, ესეც კმაროდა...
 მალალ ბალახში ჩავნეჭი წამით.
 ვუსმენდი: მღვერის არ იყო ჩქამი,
 დელგმაც მიყურდა. შორს უმკრთალესი
 ჩანდა სინათლის გრძელი ხარვეზი,
 შუა რომ ჰყოფდა ბნელ ცას და მიწას,
 იქ, შორს, ვხედავდი მთებს დაუვინყარს,
 მალლა აკბილულ ნაქარგის გვარად.

ვინეე ბალახში უძრავად, წყნარად.
 ტირილს მორთავდა ტურა, ვით ბავშვი.
 ხანაც ქვებს შორის ტანქერცლიანი,
 გაიღვებდა გველი ციალით.
 მაგრამ შიშს სული ვერ აენეწა;
 კაცთათვის უცხო თვით გავხდი მხეცად,
 გველივით მალვით ვხოხავდი მეცა.

10

ღვართქაფის შემდეგ უმეტეს ძალით
 ქუხდა, გრგვინავდა უფსკრულში წყალი,
 და მისი გრგვინვა ყრუ, დაუმცხრალი,
 ას მრისხანე ხმად ისმოდა ქვევით...
 თუმცა უსიტყვო და გაურკვევი,
 მესმოდა მისი მე მასლაათი,
 მარადი დრტვინვა, დავა მარადი
 ჯიუტ კედლებთან. ხანდახან წყალი
 მიწყნარდებოდა და მთელი ძალით
 დასჭექდა შემდეგ მყუდროებაში;
 და აი, უკვე ნისლოვან ცაში
 აჟრიამულდნენ ჩიტები ერთად,
 აღმოსავლეთი აოქროსფერდა;

Меж темным небом и землей,
И различал я, как узор,
На ней зубцы далеких гор;
Недвижим, молча я лежал,
Порой в ущелии шакал
Кричал и плакал, как дитя,
И, гладкой чешуей блестя,
Змея скользила меж камней;
Но страх не сжал души моей:
Я сам, как зверь, был чужд людей
И полз и прятался, как змей.

10

Внизу глубоко подо мной
Поток усиленный грозой
Шумел, и шум его глухой
Сердитых сотне голосов
Подобился. Хотя без слов
Мне внятен был тот разговор,
Немолчный ропот, вечный спор
С упрямой грудой камней.
То вдруг стихал он, то сильней
Он раздавался в тишине;
И вот, в туманной вышине
Запели птички, и восток
Озолотился; ветерок
Сырые шевельнул листья;
Дохнули сонные цветы,

ნამიან ფოთლებს შეარხევს ქარი,
სუნთქავს ყვავილი განალვიძარი,
და ყვავილივით მეც თავი მალლა
ავწიე, დილა რომ დამენახა,
და როცა ირგვლივ მოვავლე თვალი,
არ დაგიმალავ, შევძრწუნდი მხდალი.
უძირო ხრამთან ვინეე, სად წყალი
აქაფებული ღმუოდა მწყრალი.
სიღრმეში იყო კლდე ჩაკიდებული,
მაგრამ მარტოდენ ბოროტი სული
თუ ჩაჰყოლია ქვევით ამ ლოდებს,
ციდან ქვესკნელში დაინთქა ოდეს.

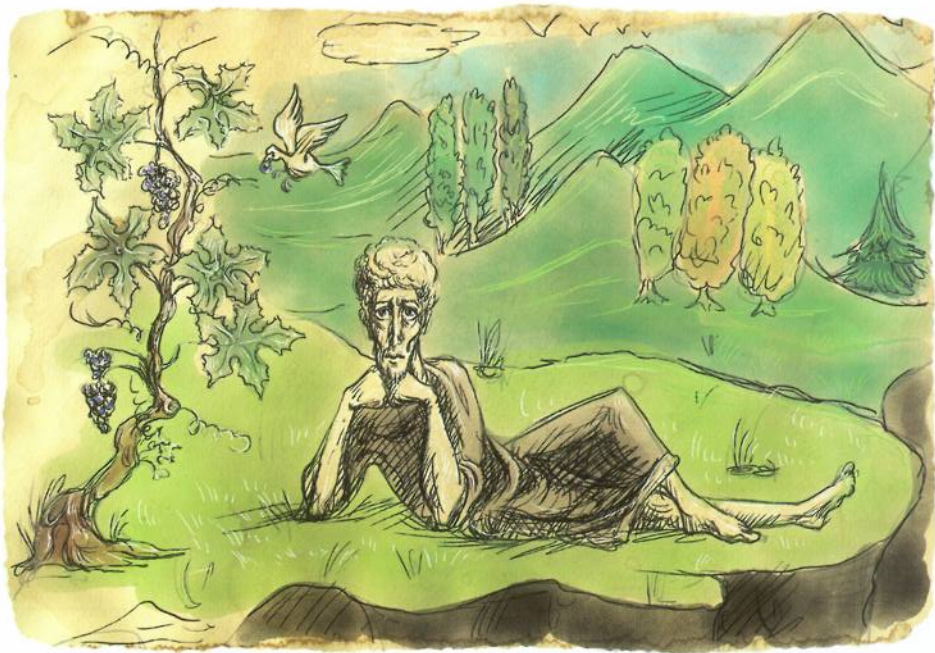
11

ჰყვავდა ირგვლივ მიწა ღვთის ბაღად,
ფერად სამოსზე შემოენახათ
იქ მცენარეებს ცრემლნი ცისანი,
და ხუჭუჭებით ხეზე, ვიცანი,
იგრიხებოდნენ, კოპწია ვაზნი,
თვის გამჭვირვალე სიმწვანით ნაზნი.
სავსე, კამკამა მტევნების წყება,
ძვირფას საყურეთ რომ შეედრება,
ეკიდა მძიმედ. მათ გასაქურდად
ფრინველნი ფრთხილნი მოქროდნენ გუნდად.
და ისევ მიწას დავამხე გულით,
ისევ ვუსმენდი სულგანაბული
ჩურჩულს საოცარ და გრძნეულ ხმათა,

И, как они, навстречу дню
Я поднял голову мою...
Я осмотрелся; не таю:
Мне стало страшно; на краю
Грозящей бездны я лежал,
Где выл, крутясь, сердитый вал;
Туда вели ступени скал;
Но лишь злой дух по ним шагал,
Когда, низверженный с небес,
В подземной пропасти исчез.

11

Кругом меня цвел божий сад;
Растений радужный наряд
Хранил следы небесных слез,
И кудри виноградных лоз
Вились, красуясь меж дерев
Прозрачной зеленью листов;
И грозды полные на них,
Серег подобье дорогих,
Висели пышно, и порой
К ним птиц летал пугливый рой
И снова я к земле припал
И снова вслушиваться стал
К волшебным, странным голосам;
Они шептались по кустам,
Как будто речь свою вели
О тайнах неба и земли;

იქ, ბუჩქებს შორის რომ გაიმართა,
თითქოს ჰქონდათო მათ საუბარი
ფარულ ამბებზე ცისა და ბარის;
ბუნების ხმანი იქ ყველა ერთად
გაიძახოდნენ. მხოლოდ არ ჟღერდა
ნუთში დიდებულ ამ ღალატისა
ამაყი სიტყვა ადამის ძისა.
იქ სულმა მაშინ რაც განიცადა,
ვით ოცნებანი, ქცეულან მტვრად;
მსურს მაინც გითხრა, რას ვგრძნობდი მაშინ,
რომ კვლავ ვიცოცხლო, – თუნდ ოცნებაში.
ცა ისე წმინდა იყო იმ დილით,
რომ ანგელოზის მფრინავი ჩრდილი
შეიმჩნეოდა ბეჯითი თვალით;
ისე ღრმა იყო და გამჭვირვალე,
სავსე თანაბარ ლურჯ ელვარებით,
რომ იქ ვიყავი სულით, თვალებით,
სანამ შუადღემ თვის მხურვალეებით
არ განმიფანტა ფიქრი ყოველი.
მკლავდა წყურვილი დაუცხრომელი.

12

მე მივაშურე მდინარეს მაშინ,
ლოდიდან ლოდზე ვიდოდი ხრამში
ეკალ-ბარდებზე ხელების ხვევნით.
ქვა მეცლებოდა ფეხქვეშ და ქვევით,
უფსკრულისაკენ მიხტოდა სრბოლით,

И все природы голоса
Сливались тут; не раздался
В торжественный хваленья час
Лишь человека гордый глас.
Всуче, что я чувствовал тогда,
Те думы - им уж нет следа;
Но я б желал их рассказать,
Чтоб жить, хоть мысленно, опять.
В то утро был небесный свод
Так чист, что ангела полет
Прилежный взор следить бы мог;
Он так прозрачно был глубок,
Так полон ровной синевой!
Я в нем глазами и душой
Тонул, пока полдневный зной
Мои мечты не разогнал.
И жаждой я томиться стал.

12

Тогда к потоку с высоты,
Держась за гибкие кусты,
С плиты на плиту я, как мог,
Спускаться начал. Из-под ног
Сорвавшись, камень иногда
Катился вниз - за ним бразда
Дымилась, прах вился столбом;
Гудя и прыгая, потом
Он поглощаем был волной;

მის ნაკვალევზე დგებოდა ბოლი,
 დაიხვეოდა მტვერი სვეტივით,
 შემდეგ ჯახანით ქვა მოსხლეტილი
 დაინთქმებოდა ტალღებში წამსვე;
 და მეც ვეკიდე უფსკრულის თავზე.
 მაგრამ ლალ სიყრმეს ძალა აქვს დიდი,
 სიკვდილს ოდნავაც არ შევუშინდი.
 რაწამს ჩავედი ძირს მწვერვალიდან
 ხევში, მთის წყალთა სიგრილემ წმინდამ
 შემომიბერა ნიავის მსგავსად,
 და დახარბებით დავემხე წყალსა.
 ამ დროს მსუბუქი ფეხის ხმა მესმა...
 ამოვეფარე წამს ჯაგნარებსა
 მე უნებლიე გულისფანცქალით
 და ირგვლივ მხდალად მოვაღლე თვალი;
 დახარბებული ვუსმენდი: ჩქერთან
 ქართველი ქალის ნორჩი ხმა ჟღერდა;
 სულ უფრო ახლოს მღეროდა ქალი
 ისეთ ბუნებრივ სიცოცხლის ძალით,
 ისე საამოდ თავისუფალი,
 თითქოს სჩვეოდა მას ტკბილ ძახილით
 მხოლოდ მეგობრის ეთქვა სახელი.
 სიმღერა იყო უბრალო, სადა,
 მაგრამ ის გულმა ღრმად განიცადა,
 და ოდეს მწუხრით ვარ დანისლული,
 კვლავ უხილავი მიმღერის სული.

И я висел над глубиной,
 Но юность вольная сильна,
 И смерть казалась не страшна!
 Лишь только я с крутых высот
 Спустился, свежесть горных вод
 Повеяла навстречу мне,
 И жадно я припал к волне.
 Вдруг - голос - легкий шум шагов...
 Мгновенно скрывшись меж кустов,
 Невольным трепетом объят,
 Я поднял боязливый взгляд
 И жадно вслушиваться стал:
 И ближе, ближе все звучал
 Грузинки голос молодой,
 Так безыскусственно живой,
 Так сладко вольный, будто он
 Лишь звуки дружеских имен
 Произносить был приучен.
 Простая песня то была,
 Но в мысль она мне залегла,
 И мне, лишь сумрак настает,
 Незримый дух ее поет.

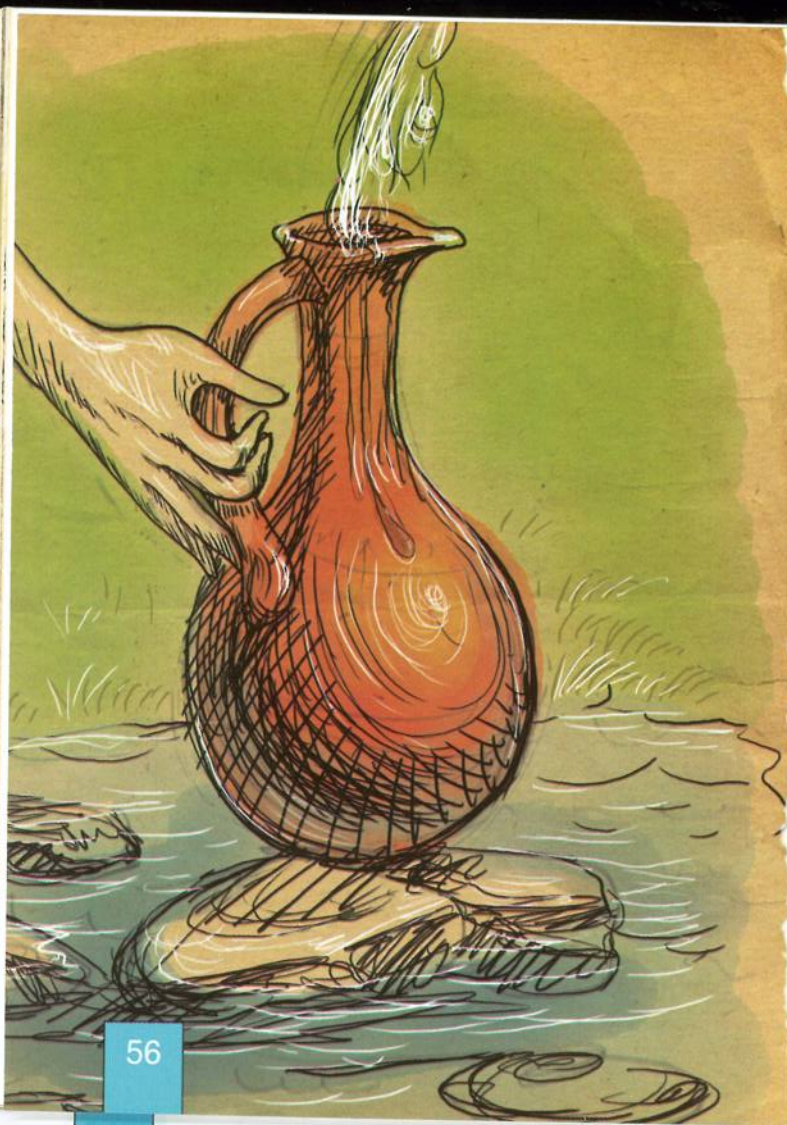

13

კოკა შედგმული მხარზე რომ ჰქონდა,
ვინრო ბილიკით ჩამოდიოდა
ქართველი ქალი. ხანდახან ქვებში
დაუსხლტებოდა ფეხი და ეშხით
გაიცინებდა თვისსავე მარცხზე,
მას ღარიბულად ემოსა ტანზე
და მოელავდა მსუბუქად მსვლელი,
უკან თავსაფრის ნაკეცი გრძელი
გადაჰფენოდა. ზაფხულის ხვატმა
ოქროს ჩრდილებით თუ დაუხატა
მკერდი და სახე, და საამური
მის ღანვ-ბაგეზე ენთო აღმური.
ისე ღრმა ჰქონდა შავი ტვალები,
ისეთი გრძნობის იდუმალებით
აღსავსე იყო, რომ დამკრა ელდამ,
ფიქრებარეულს თვალი დამიბნელდა.
და მახსოვს მხოლოდ კოკის ხმა, ჩქარი
რომ ჩადიოდა შიგ ნელი ჟღერით,
მერე შრიალი... სხვა არაფერი.
როს სისხლი დაცხრა და საღი მზერით
გონზე მოსულმა გაცხედე იქით,
უკვე შორს იყო ასული იგი.
თუმც მდიოდა ნაბიჯით ნელით,
მაინც მსუბუქად, და ტვირთით მსვლელი
იყო ვით ალვა – მეფე მის ველთა.
და ორი ქოხი მახლობელ სერთან

Держа кувшин над головой,
 Грузинка узкою тропой
 Сходила к берегу. Порой
 Она скользила меж камней,
 Смеясь неловкости своей.
 И беден был ее наряд;
 И шла она легко, назад
 Изгибы длинные чадры
 Откинув. Летние жары
 Покрыли тенью золотой
 Лицо и грудь ее; и зной
 Дышал от уст ее и щек.
 И мрак очей был так глубок,
 Так полон тайнами любви,
 Что думы пылкие мои
 Смутились. Помню только я
 Кувшина звон, - когда струя
 Вливалась медленно в него,
 И шорох... больше ничего.
 Когда же я очнулся вновь
 И отлила от сердца кровь,
 Она была уж далеко;
 И шла, хоть тише, - но легко,
 Стройна под ношею своей,
 Как тополь, царь ее полей!
 Недалеко, в прохладной мгле,

ნისლში, კლდის ქიმზე თანაშეზრდილად,
 მეგობრებივით მოჩანდა წყვილად.
 იქ ერთი ქოხის ბრტყელ სახურავში
 ცისფერი კვამლი დიოდა აშლით.
 ახლაც თვალწინ მაქვს დაუვინყარი,
 როგორ სიჩუმით გაიღო კარი
 და მერე ისევ გამოიკეტა.
 ჰო, ვიცი, შენთვის ძნელია მეტად
 ჩემი კაეშნის, სევდის გაგება,
 და რომც გაიგო, დამენანება.
 ის, წუთი, ჩემს სულს რომ ანათებდა,
 დე, მოკვდეს ჩემში და ჩემთან ერთად.

14

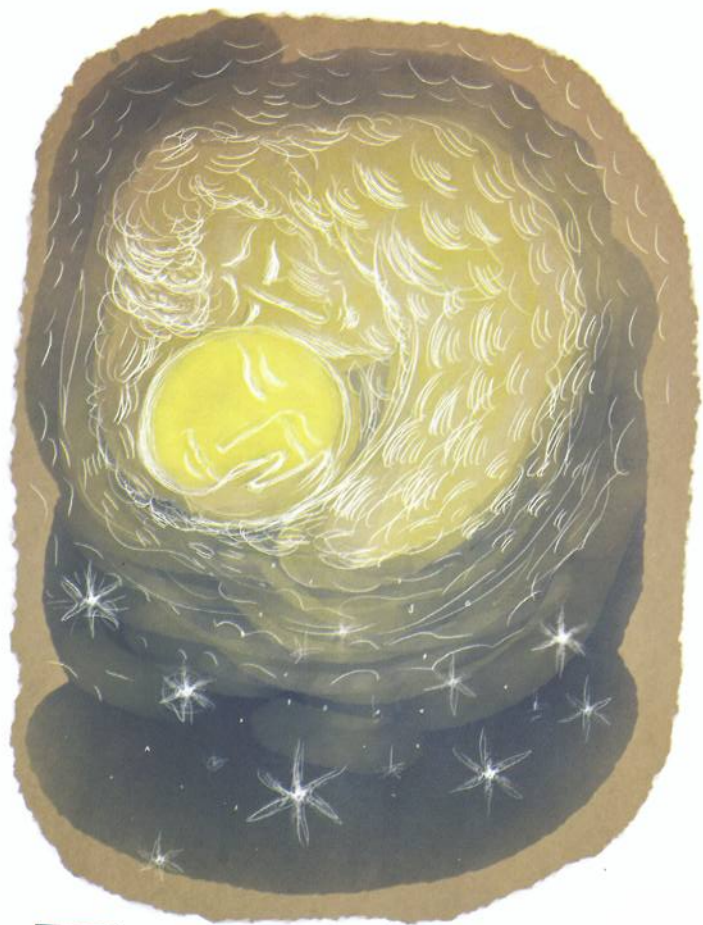
ღამისთევისგან ქანცგანყვეტილი
 დავწექ ჩრდილში და საამურ ძილით
 მე უნებლიედ მივლოლუე თვალი;
 და სიზმრად ვნახე ისევ ის ქალი,
 ქართველი ქალის ნორჩი ხატება,
 და გულს მივლიდა მწველ ჟრუანტელად
 რალაც უცნობი და ტკბილი ბოლმა...
 დიდხანს მტანჯავდა უთქმელი ოხვრა
 და გამელვიძა. ლაყვარდში მთვარე
 უკვე ბრწყინავდა შუქმოელვარე.
 მთვარეს კი უკან შავი აჩრდილით,
 როგორც თავის მსხვერპლს, მკლავებგაშლილი
 ობლად მისდევდა ღრუბელი ნელი.

Казалось, приросли к скале
Две сакли дружною четой;
Над плоской кровлею одной
Дымок струился голубой.
Я вижу будто бы теперь,
Как отперлась тихонько дверь...
И затворилась опять!..
Тебе, я знаю, не понять
Мою тоску, мою печаль;
И если б мог, - мне было б жаль:
Воспоминанья тех минут
Во мне, со мной пускай умрут.

14

Трудами ночи изнурен,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой.
И странной сладкою тоской
Опять моя заныла грудь.
Я долго силился вздохнуть -
И пробудился. Уж луна
Вверху сияла, и одна
Лишь тучка кралася за ней,
Как за добычею своей,
Объятья жадные раскрыв.

იყო სამყარო ჩუმი და ბნელი.
 მხოლოდ შორიდან ვერცხლისფერ ბაფთად
 თოვლით მოსილი გრეხილი მთათა
 გამოსჭვიოდა სივრცეში მკრთალი.
 შესჩქაფუნებდა ნაპირებს წყალი.
 ნაცნობ ქოხიდან შუქი ჩნდებოდა,
 ხან იელვებდა, ხან ჩაქრებოდა.
 ასე ხანდახან შუალამისას
 ქრება კამკამა ვარსკვლავი ცისა.
 თუმც მისი ხილვის მტანჯავდა სევდა,
 მაინც იქ ასვლა ვერ გამებედა.
 ერთი რამ იყო ჩემს სულში ზრახვად:
 მსურდა, როგორმე რომ დამენახა
 ჩემი სამშობლო. ტკივილი მწვავე
 ღონის მოკრებით ვძლიე და წაველ
 მუნჯი და ფრთხილი პირდაპირ გზითა;
 მაგრამ მავალი დაბურულ ტყითა,
 გაოგნებული გზას ვკარგავ ჩქარა,
 როდესაც მთები თვალს მიეფარა.

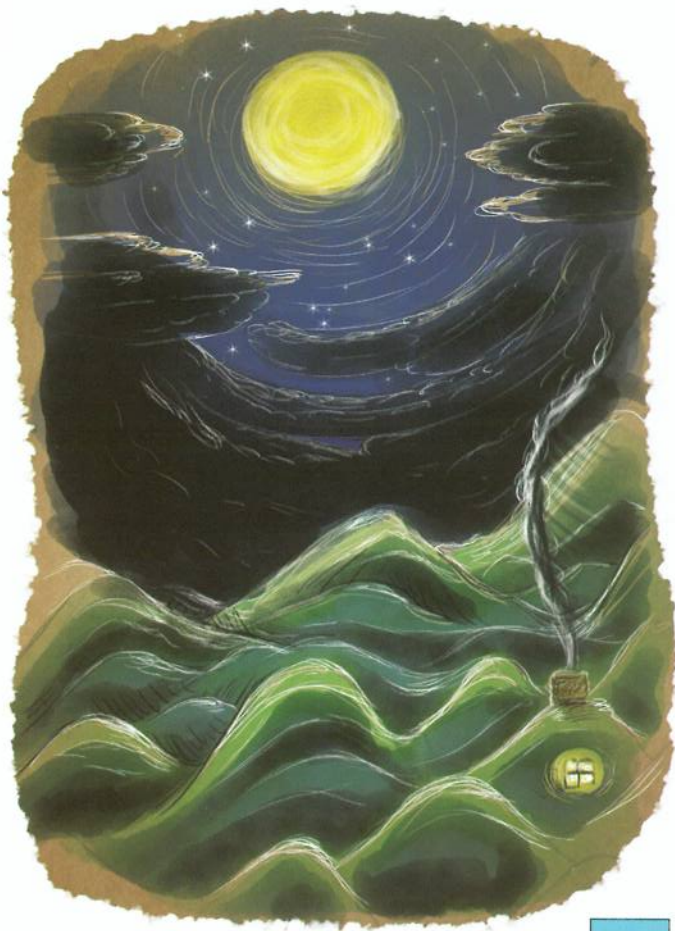
15

ეკლის ბუჩქს, შეკრულს ფათალოს ბარდით,
 ვგლეჯდი ამაო თავგანწირვამდი.
 ირგვლივ ტყე იყო, ტყე გაუსვლელი.
 სულ უფრო ხშირი, სულ უფრო ბნელი,
 სავსე საშინელ იდუმალებით.
 ო, მილიონი შავი თვალებით

Мир темен был и молчалив;
 Лишь серебристой бахромой
 Вершины цепи снеговой
 Вдали сверкали предо мной
 Да в берега плескал поток.
 В знакомой сакле огонек
 То трепетал, то снова гас:
 На небесах в полночный час
 Так гаснет яркая звезда!
 Хотелось мне... но я туда
 Взойти не смел. Я цель одну -
 Пройти в родимую страну -
 Имел в душе и превозмог
 Страданье голода, как мог.
 И вот дорогою прямой
 Пустился, робкий и немой.
 Но скоро в глубине лесной
 Из виду горы потерял
 И тут с пути сбиваться стал.

15

Напрасно в бешенстве порой
 Я рвал отчаянной рукой
 Терновник, спутанный плющом:
 Все лес был, вечный лес кругом,
 Страшней и гуще каждый час;
 И миллионом черных глаз

მე იქ ყოველი ბუჩქის ჩეროდან
ლამის წყვილიადი შემომცქეროდა.
თავბრუ მესხმოდა. ხანდახან ხეთა
წვერს ვეწვებოდი – შორს გამეხედა;
და იქაც, მაღალ ცის ლაშვარდამდე
სავარცხელივით ხის წვერნი ჩანდნენ.
მაშინ მიწაზე დავემხე მკერდით
და გაშმაგებით მე ვქვითინებდი,
მინის გულს გრილსა კბილებით ვხრავდი.
და ცრემლი, ცრემლი, – ო, ჩემი დარდი
მინას ცხელ ნამად მე ჩავალვენითე...
კაცთ მაინც შველას არ ვთხოვდი, მენდე.
სამარადისოდ გარდანახვენი,
კაცთათვის ვიყავ უცხო, ვით მხეცი,
და რომ ერთხელაც მეყვირა ხვეწნით,
მაშინ, მოხუცო, ო, ვფიცავ ზენას,
ამოვიგლეჯდი ჩემს უძლურ ენას!

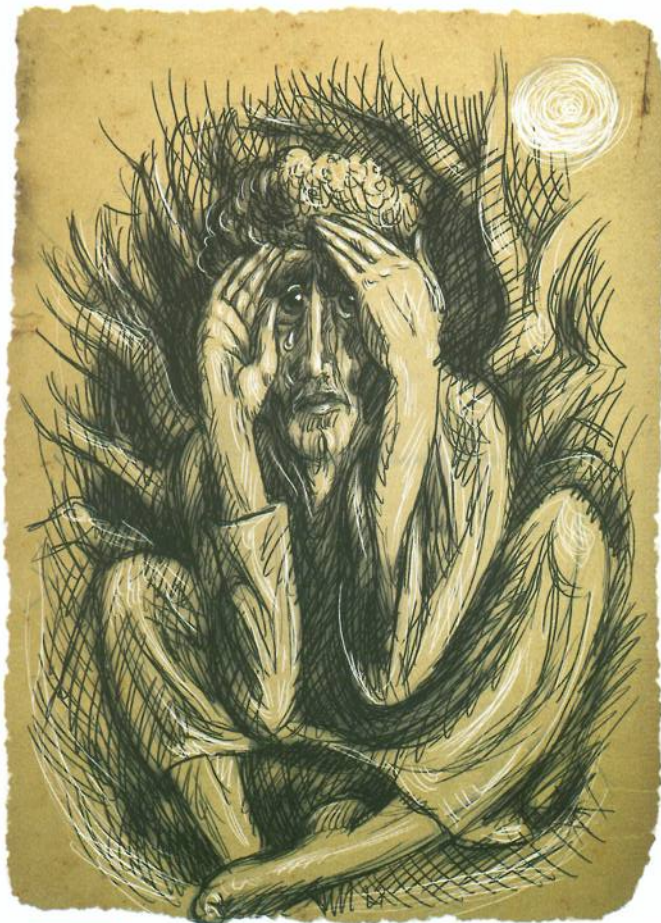
16

შენც კარგად იცნობ ბავშვობას ჩემსას,
ვერვინ ნახავდა ჩემს თვალში ცრემლსა,
მაგრამ იქ ურცხვად მე ავქვითინდი,
ვინ შემხედავდა? ტყის შავი ბინდი,
ანდა მთოვარე მცურავი ცაში;
განათებული მისის კაშკაშით,
მთლად დაფარული ქვეშით და ხავსით,
და ტყით მოცული, გალავნის მსგავსად,

Смотрела ночи темнота
Сквозь ветви каждого куста.
Моя кружилась голова;
Я стал влезать на дерева;
Но даже на краю небес
Все тот же был зубчатый лес.
Тогда на землю я упал;
И в исступлении рыдал,
И грыз сырую грудь земли,
И слезы, слезы потекли
В нее горячею росой...
Но, верь мне, помощи людской
Я не желал... Я был чужой
Для них навек, как зверь степной;
И если б хоть минутный крик
Мне изменил - клянусь, старик,
Я б вырвал слабый мой язык.

16
Ты помнишь детские года:
Слезы не знал я никогда;
Но тут я плакал без стыда.
Кто видеть мог? Лишь темный лес
Да месяц, плывший средь небес!
Озарена его лучом,
Покрыта мохом и песком,
Непроницаемой стеной

ჩემ წინ პატარა მინდორი ჩანდა.
 ზედ გადირბინა ჯერ ლანდმა მარდად
 და აციალდა წამს ორი ცეცხლი,
 მერე კი მინდორს უცნობი მხეცი
 ტყიდან უეცრად დაატყდა მალი,
 განვა და იწყო მან კოტრიალი.
 უდაბნოეთის მარადი მგზავრი,
 ეს მხეცი იყო ავაზა მძლავრი,
 სისხლიან ძვალსა გულდასმით კენეტდა
 და სიხარულით თან წკმუტუნებდა,
 ხანაც სივრცეში ცეცხლოვან თვალებს
 გაუშტერებდა პირსავსე მთვარეს,
 მის ტანს ვერცხლისფრად რომ ეზარნიშა,
 და კუდს იქნევდა სიამის ნიშნად.
 მაშინ კაპიან როკს ვტაცე ხელი,
 დაყურსული ვარ, ბრძოლის წუთს ველი.
 თითქოს უეცრად ვიგრძენი გულში
 სისხლის და შებმის წყურვილი ურჩი...
 თუმცაღა ჩემი გზა ბედისწერამ
 სხვაფერ წარმართა, მე მაინც მჯერა –
 იქ, სად იბრძოდნენ ჩემნი პაპანი,
 არ ვიქნებოდი სხვებზე ჯაბანი.

17

ველოდი, და ჰა, ჩრდილში ღამისა
 იყნოსა მტერი და მყის გაისმა
 გააგებული ღმუილი მისი,

Окружена, передо мной
Была поляна. Вдруг во ней
Мелькнула тень, и двух огней
Промчались искры... и потом
Какой-то зверь одним прыжком
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость -
Могучий барс. Сырую кость
Он грыз и весело визжал;
То взор кровавый устремлял,
Мотая ласково хвостом,
На полный месяц, - и на нем
Шерсть отливалась серебром.
Я ждал, схватив рогатый сук,
Минуту битвы; сердце вдруг
Зажглося жаждою борьбы
И крови... да, рука судьбы
Меня вела иным путем...
Но нынче я уверен в том,
Что быть бы мог в краю отцов
Не из последних удалцов.

17

Я ждал. И вот в тени ночной
Врага почуял он, и вой
Протяжный, жалобный как стон

როგორც ვაების ხმა საბრალოსი.
 ბრჭყალით მრისხანედ ფხოჭნიდა მინას,
 ტორებზე შედგა, მერე კვლავ მიწვა
 და პირველივე ნახტომით მძაფრით
 სიკვდილს საშინელს მიქადა სწრაფი,
 მაგრამ უდრეკი ჩემი ხის კაპი
 მიზანში მოხვდა, მე დავასწარი.
 თითქოს ნაჯახმა გაავლო ღარი,
 მას ფართო შუბლი რომ განეკვეცა.
 ვით ადამიანს, აღმოხდა კვნესა
 და გადაგორდა. და მაინც მერე,
 თუმცა ჭრილობიდან სქელ, მოჩანჩქერე
 ზვირთივით იყო სისხლისა სრბოლა,
 გაჩაღდა ბრძოლა, სასტიკი ბრძოლა.

18

იგი უეცრად მკერდს შემომახტა,
 მაგრამ მას ჩემი ხის ხმალი დახვდა,
 ყელში ჩავურჭე, დავუტრიალე
 ორჯერ შიგნივ და... ის, მოღრიალე
 მეცა, მოკრიბა ძალ-ღონე მთელი,
 და ჩახლართულნი, ვით ორი გველი, –
 ვერ ჩაეხვიონ ერთმანეთს ასე
 თვით მეგობრებიც, – ძირს დავენარცხეთ.
 და იქ გაგრძელდა ჭიდილი ავი.
 ვიყავ იმ ნუთში მეც შემზარავი.
 როგორც ავაზა, უდაბნოს მხეცი,

Раздался вдруг... и начал он
Сердито лапой рыть песок,
Встал на дыбы, потом прилег,
И первый бешеный скачок
Мне страшной смертью грозил...
Но я его предупредил.
Удар мой верен был и скор.
Надежный сук мой, как топор,
Широкий лоб его рассек...
Он застонал, как человек,
И опрокинулся. Но вновь,
Хотя лила из раны кровь
Густой, широкою волной,
Бой закипел, смертельный бой!

18
Ко мне он кинулся на грудь:
Но в горло я успел воткнуть
И там два раза повернуть
Мое оружие... Он завыл,
Рванулся из последних сил,
И мы, сплетясь, как пара змей,
Обнявшись крепче двух друзей,
Упали разом, и во мгле
Бой продолжался на земле.
И я был страшен в этот миг;
Как барс пустынный, зол и дик,

გავხდი ველური და უაფთრესი.
მისებრ ვლმულოდი მეც ალგზნებული,
თითქოს თვით ვიყავ დაბადებული
ოჯახში მგელთა და ავაზათა,
ტყემ უსიერმა ჩრდილებქვეშ მზარდა;
მეგონა, თითქოს სიტყვები კაცთა
დამეინწყებოდა... და გულში ნაცვლად
ეს შემზარავი დრტვინვა შობილა;
თითქოს ჩემს ენას თვით ბავშვობიდან
არ წარმოეთქვას სხვა არაფერი...
მაგრამ თანდათან დასუსტდა მტერი,
ლასლასებს, სუნთქავს სულ უფრო ნელა,
კიდევ გამთანგა უკანასკნელად,
მისი უძრავი თვალების გუგამ
ერთხელ კვლავ რისხვით გადმოაშუქა
და დაიხუჭა მარადი ძილით.
მას ხომ პირისპირ შეხვდა სიკვდილი...
მებრძოდა მძლეველს თავგანანირი
და ომში მოკვდა, ვით კვდება გმირი!

19

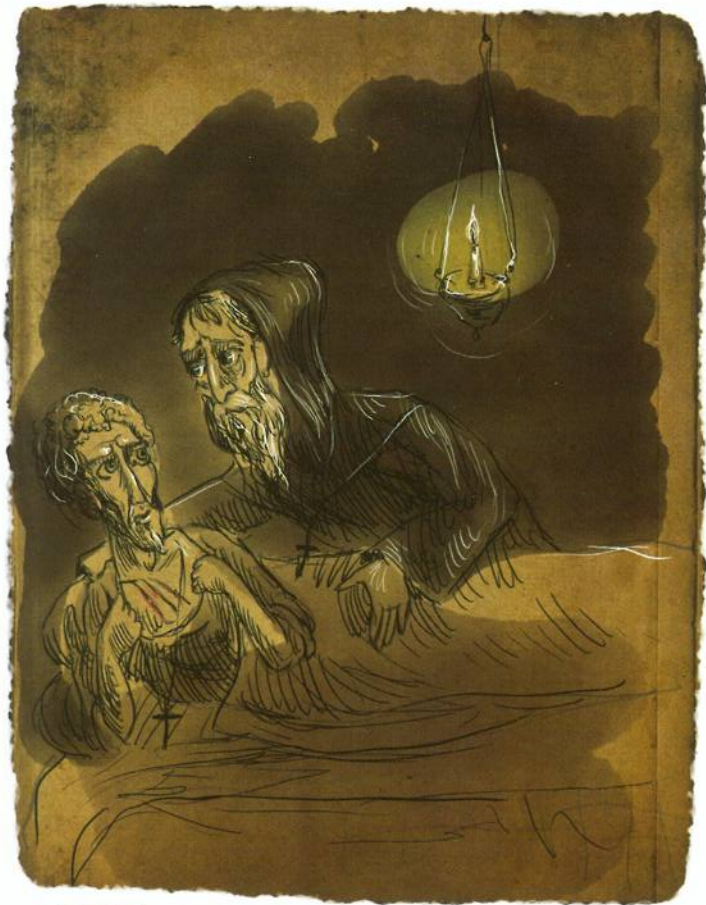
აი, ჩემს მკერდზე შენც ნახე თვალთ
ღრმად გავლებული ბრჭყალების კვალი.
ნახე, ღიაა ჭრილობა ჯერაც,
მაგრამ ცივ მიწის საბანი, მჯერა,
რომ განაგრილებს იარას უჩვევს,
რომ მას სიკვდილი მთლად მოაშუშებს.

Я пламенел, визжал, как он;
Как будто сам я был рожден
В семействе барсов и волков
Под свежим пологом лесов.
Казалось, что слова людей
Забыл я - и в груди моей
Родился тот ужасный крик,
Как будто с детства мой язык
К иному звуку не привык...
Но враг мой стал изнемогать,
Метаться, медленней дышать,
Сдавил меня в последний раз...
Зрачки его недвижных глаз
Блеснули грозно - и потом
Закрылись тихо вечным сном;
Но с торжествующим врагом
Он встретил смерть лицом к лицу,
Как в битве следует бойцу!..

19

Ты видишь на груди моей
Следы глубокие когтей;
Еще они не заросли
И не закрылись; но земли
Сырой покров их освежит
И смерть навеки заживит.
О них тогда я позабыл,

მაშინ კი ვძლიე ტკივილი მწველი,
შემოვიკრიბე ძალ-ღონე მთელი
და კვლავ გავეყევი ბარბაცით ტყესა.
მაგრამ ამაოდ ვებრძოდი ბედსა,
ის დამცინოდა მე უარესად.

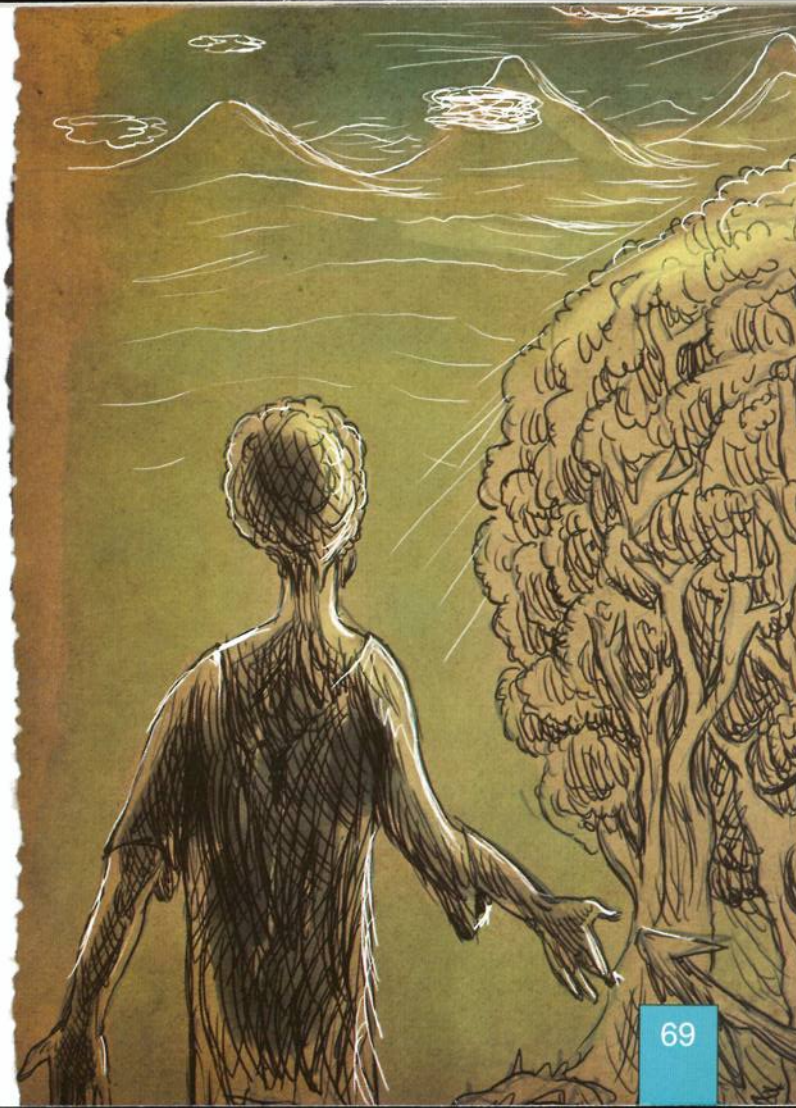
20

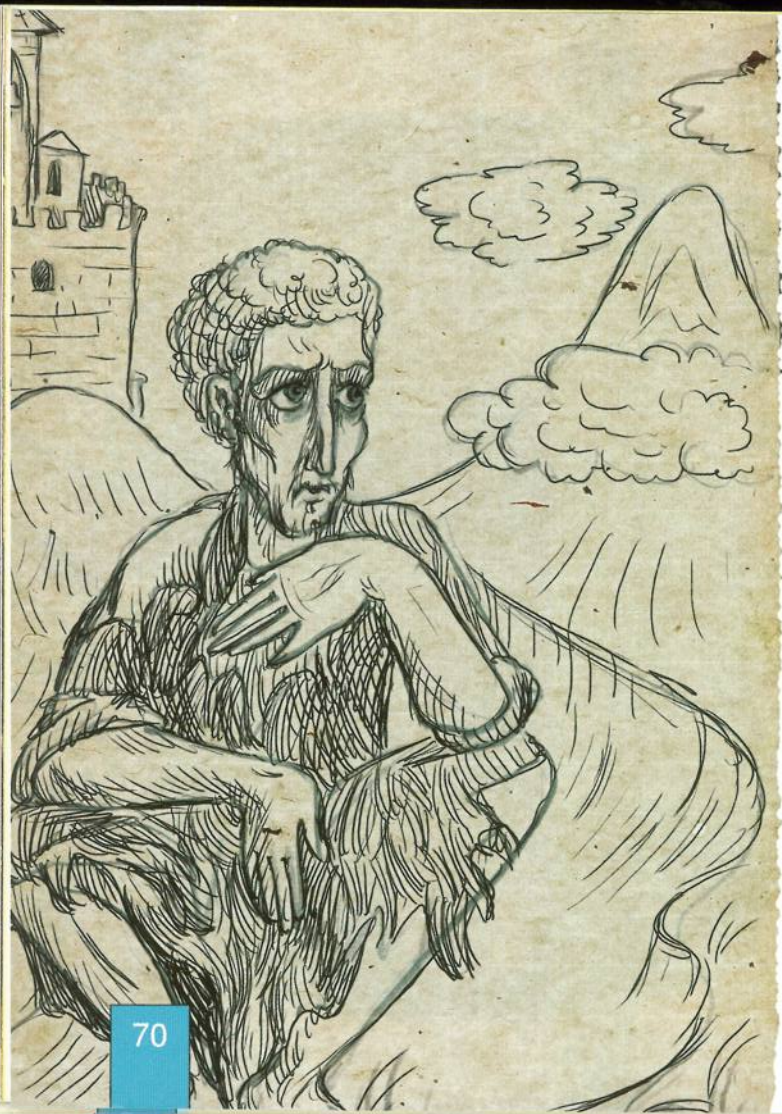
ტყიდან გამოველ. ჰა, სხივმა დაჰკრა,
გალვიძებულ ტყის ნათელში გაქრა
მწყობრი ფერხული ღამის მნათობთა;
ტყე ნისლიანი მასლაათობდა.
შორს აულს კვამლი დაადგა თეთრად;
გადაურბინა ნიავეთნ ერთად
ველს ბუნდოვანმა გუგუნმა მაშინ.
დავჯექი, ვუსმენდი მყუდროებაში.
მაგრამ ნიავეთნ გაქრა ის ბგერაც...
და ირგვლივ მთა-ბარს დაფუხვე მზერა;
თითქოს ის მხარე მე გამახსენდა...
ო, საშინელმა შემძიპყრო სევდამ
და დიდხანს, დიდხანს ვერ მოვისაზრე,
რომ კვლავ საკანში აღმოვჩნდი ასე,
რომ რაც ვითმინე ტანჯვა, სიავე,
ფუჭია, ტყვილად ველოლიავე
იდუმალ ზრახვას – სიჭაბუკეში
სულ ერთხელ ვნახე სამყაროს ეშხი,
მესმა ბაღნართა შრიალის ხმანი,
თავისუფლების სიამე ვცანი,

И, вновь собрав остаток сил,
Побрел я в глубине лесной...
Но тщетно спорил я с судьбой:
Она смеялась надо мной!

20

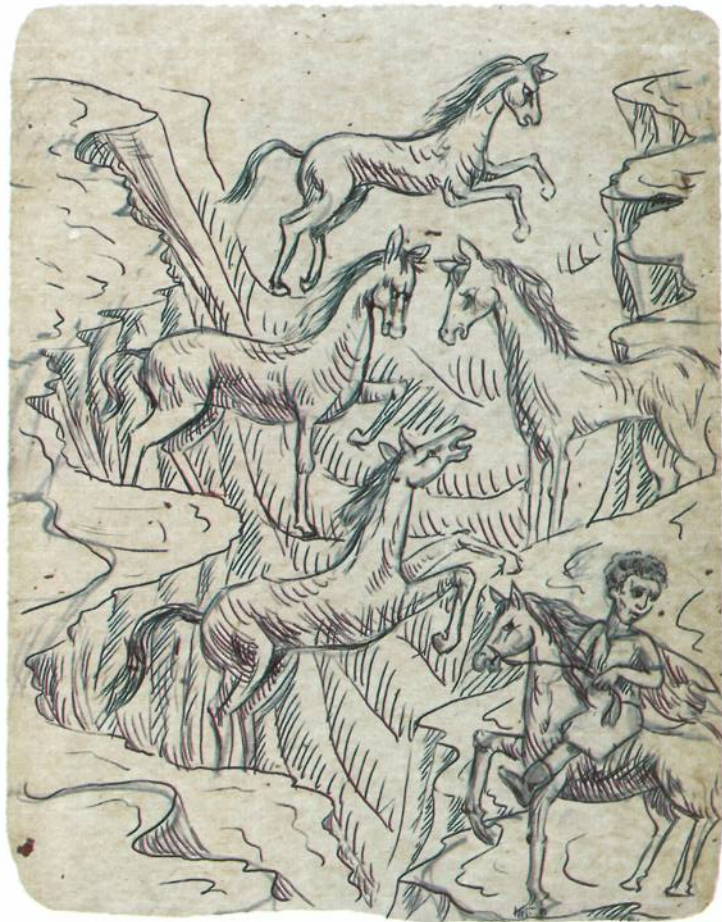
Я вышел из лесу. И вот
Проснулся день, и хоровод
Светил напутственных исчез
В его лучах. Туманный лес
Заговорил. Вдали аул
Куриться начал. Смутный гул
В долине с ветром пробежал...
Я сел и вслушиваться стал;
Но смолк он вместе с ветерком.
И кинул взоры я кругом:
Тот край, казалось, мне знаком.
И страшно было мне, понять
Не мог я долго, что опять
Вернулся я к тюрьме моей;
Что бесполезно столько дней
Я тайный замысел ласкал,
Терпел, томился и страдал,
И все зачем?.. Чтоб в цвете лет,
Едва взглянув на божий свет,
При звучном ропоте дубрав
Блаженство вольности познав,

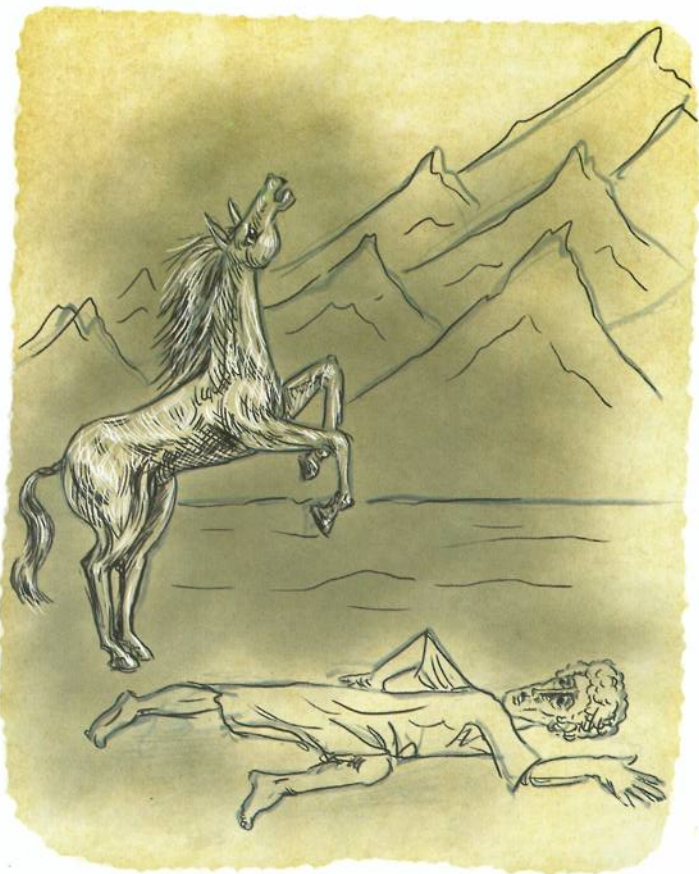

და ყველაფერი ეს მისთვის, განა,
რომ სამარეში თან ჩამეტანა
წმინდა სამშობლოს დარდი ფარული,
შემარცხენელი ეგ სიბრაღული
და იმედები გაცრუებული?
მაინც ვფიქრობდი დაეჭვებული,
რომ სიზმარია ეს შესაზარი,
მაგრამ შორს უცებ ჩამოჰკრეს ზარი,
მყუდროებაში გრგვინვით მხმობელი,
და ცხადი გახდა ჩემთვის ყოველი.
ო, ვიცან, ბევრჯერ იმ ზარის რეკას
ბავშვურ თვალთაგან შორს გადურეკავს,
რაც მჩვენებია სიზმარი ნათლად:
ლანდნი მოყვასთა და ნათესავთა,
მსუბუქად მქროლი შმაგი ცხენები,
ველურ სილალით სავსე ველები,
ხევში ბრძოლები საკვირველები,
სად ყველას ერთად ვჯობნიდი მძლავრი...
ლონემიხდილი, გამშრალი ჯავრით,
ვუსმენდი: თითქოს ხმა შესაზარი
გულის სიღრმიდან რეკავდა ზარი,
რომ ვილაც მცემდა მკერდს რკინის ზოდით,
ო, მე ბუნდოვნად მაშინაც ვგრძნობდი,
ვერ ველირსები წუთს გასახარელს,
ვერასდროს ვნახავ სამშობლო მხარეს.

Унести в могилу за собой
Тоску по родине святой,
Надежд обманутых укор
И вашей жалости позор!..
Еще в сомненье погружен,
Я думал - это страшный сон...
Вдруг дальний колокола звон
Раздался снова в тишине -
И тут все ясно стало мне...
О, я узнал его тотчас!
Он с детских глаз уже не раз
Сгонял виденья снов живых
Про милых близких и родных,
Про волю дикую степей,
Про легких, бешеных коней,
Про битвы чудные меж скал,
Где всех один я побеждал!..
И слушал я без слез, без сил.
Казалось, звон тот выходил
Из сердца - будто кто-нибудь
Железом ударял мне в грудь.
И смутно понял я тогда,
Что мне на родину следа
Не проложить уж никогда.

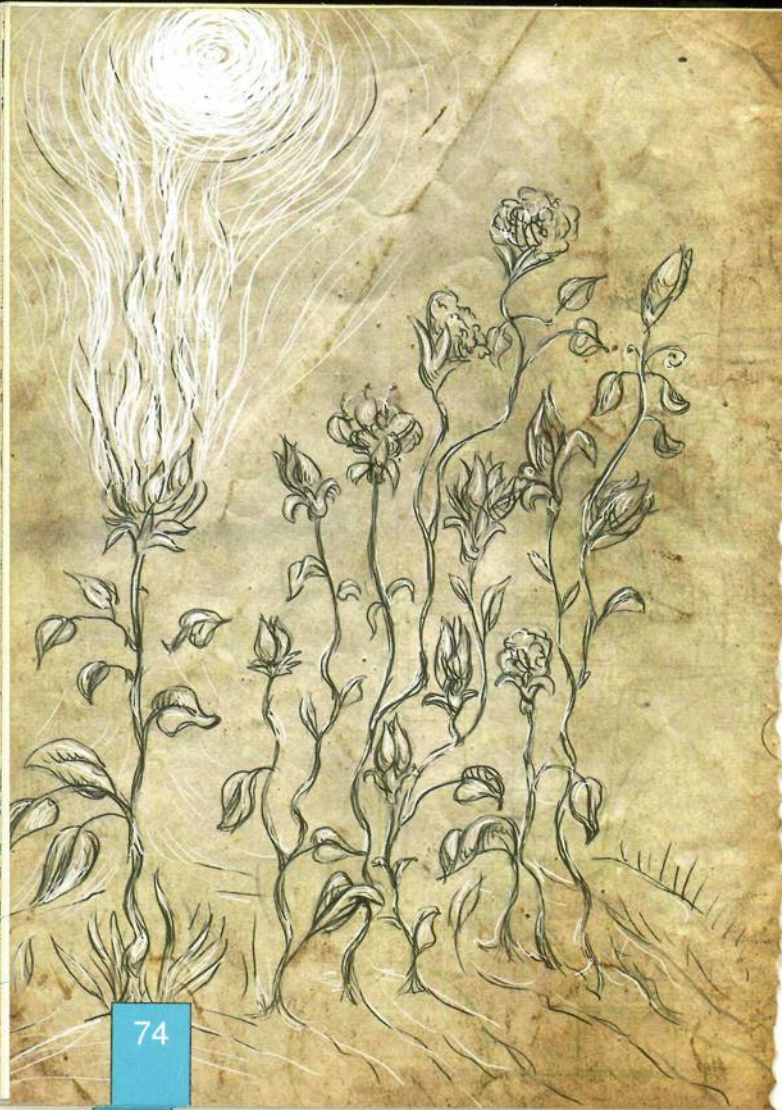

დიახ, მეკუთვნის მე ასე ზევდრად!
 უცხო მინდორზე უვარგის მხედარს
 ძლიერი ცხენი ძირს დაანარცხებს
 და სამშობლოსკენ ჭენებით გასწევს,
 მოკლე, სწორი გზის გამომნახველი.
 მე მასთან რა ვარ? ნატვრით, ნალველით
 გული ამაოდ გამსჭვალულია:
 ეს არის გზნება ფუჭი სრულიად,
 ფიქრთა თამაში, გონების სენი.
 მე საკნის დალი მაქვს დანაჩენი.
 ასეთი არის საკანში ზრდილი
 ყვავილი, ობლად, ფერგაცრეცილი
 ნესტიან ლოდთან რომ ამოვიდა,
 იგი ნორჩ კოკორს დიდხანს ვერ შლიდა...
 სულ მოელოდა, რომ ლურჯი ციდან
 მზე მაცოცხლებელ შუქს მოაწვდიდა.
 დიდი ხნის შემდეგ მოვიდა მხსნელი,
 მას სიბრალულის შეახო ხელი.
 ვარდთა მახლობლად გადარგო იგი,
 სადაც ცხოვრება ყვავილის ირგვლივ
 ნაზად, საამოდ სუნთქავდა ბაღში...
 მაგრამ იელვა ცამ გარიჟრაჟით
 და მწველმა შუქმა დახრუკა ჩვილი
 იგი ყვავილი, საკანში ზრდილი...

21

Да, заслужил я жребий мой!
Могучий конь, в степи чужой,
Плохого сбросив седока,
На родину издалека
Найдет прямой и краткий путь...
Что я пред ним? Напрасно грудь
Полна желаньем и тоской:
То жар бессильный и пустой,
Игра мечты, болезнь ума.
На мне печать свою тюрьма
Оставила... Таков цветок
Темничный: вырос одинок
И бледен он меж плит сырых,
И долго листьев молодых
Не распускал, все ждал лучей
Живительных. И много дней
Прошло, и добрая рука
Печально тронулась цветка,
И был он в сад перенесен,
В соседство роз. Со всех сторон
Дышала сладость бытия...
Но что ж? Едва взошла заря,
Палящий луч ее обжег
В тюрьме воспитанный цветок...

და როგორც იგი იწვოდა მკრთალი,
მეც უღმობელი მწვავდა მზის ალი.
მწვანე ბალახში დაღლილი თავი
თუმცა ჩავმალე, ვერ დავიცავი:
ფოთოლნი ეკლის გვირგვინის მსგავსად,
მზით დახრუკულნი მიმკობდნენ თავსა.
და თვით მინამაც სახეში მთუთქავ
პაპანაქებით შემომასუნთქა.
სივრცეში თრთოდნენ მზის ნაპერწკალნი,
თეთრ კედლებიდან არბოდა კვამლი.
უიმედობის უმძიმეს რულით
იყო ქვეყანა ყრუდ გარინდული,
ჩასძინებოდა დათენთილს, დაღლილს...
არ გაისმოდა ძახილი ბაღლის,
არცა ჭრიჭინას მხნე კრიმანჭული,
არც ტიტინებდა მთის ნაკადული
თვის ბავშვურ ხმითა... და მხოლოდ გველი,
ვით ხანჯალს ოქროს წარწერა გრძელი,
ზურგზე სიყვითლე რომ გადასდევდა,
გამხმარ შემზნარში მიშრიალებდა.
ხან ნებიერად, ქვიშაზე მსრბოლი
იგრაგნებოდა, ვით სამფა რგოლი.
მაგრამ უეცრად ის აფართხალდა
და შორ ბუჩქებში წყვეტებით, მარდად
შეძვრა, დასწვავო თითქოს თაკარამ.

22

И как его, палил меня
Огонь безжалостного дня.
Напрасно прятал я в траву
Мою усталую главу:
Иссохший лист ее венцом
Терновым над моим челом
Свивался, и в лицо огнем
Сама земля дышала мне.
Сверкая быстро в вышине,
Кружились искры, с белых скал
Струился пар. Мир божий спал
В оцепенении глухом
Отчаянья тяжелым сном.
Хотя бы крикнул коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячий лепет... Лишь змея,
Сухим бурьяном шелестя,
Сверкая желтою спиной,
Как будто надписью златой
Покрытый донизу клинок,
Браздя рассыпчатый песок.
Скользила бережно, потом,
Играя, нежася на нем,
Тройным свивалась кольцом;
То, будто вдруг обожжена,
Металась, прыгала она
И в дальних пряталась кустах...

და ყოველივე წყნარი, ანკარა
 იყო ზეცაში. ნისლიდან ორი
 მთის შავი ქედი მოჩანდა შორით.
 ერთი მთის იქით ამონაბრწყენი
 ქონგურით ვიცან ტაძარი ჩვენი.
 ქვეშ კი მტკვრისა და არაგვის წყალნი
 ვერცხლისფერ ქობად ელავდნენ წყნარნი,
 გარს მწვანე კუნძულთ რომ ევლებოდნენ,
 ლალად, მსუბუქად მიიჩქაროდნენ
 აჩურჩულებულ ჩირგვთა ფესვებთან,
 და შორს მათ თვალი უაღერსებდა.
 ადგომა ვცადე და ჩემ წინ მარდად
 ცა და ხმელეთი წამს დატრიალდა...
 მსურდა მეყვირა, და ენა ურჩი
 არ მოძრაობდა გამშრალი, მუნჯი.
 მე აღსასრულის მქანცავდა ბოდვა
 და სიკვდილის წინ მეჩვენებოდა:
 ნამიან ფსკერზე თითქოს დავეშვი,
 თითქოს ვინეჟი ღრმა მდინარეში
 იდუმალ ნისლით შემობურვილი...
 და განამებულს მარად წყურვილით,
 ჩუხჩუხა, ცივი, ყინულის დარი,
 მატკობდა ჩქერი ყელს ჩამდინარი,
 გული ისეთი სიამით თრთოდა,
 რომ მეშინოდა, არ ჩამთვლემოდა.
 მდინარეში კი, ჩემს თავზე, მაღლა,

23

И было все на небесах
Светло и тихо. Сквозь пары
Вдали чернели две горы.
Наш монастырь из-за одной
Сверкал зубчатою стеной.
Внизу Арагва и Кура,
Обвив каймой из серебра
Подошвы свежих островов,
По корням шепчущих кустов
Бежали дружно и легко...
До них мне было далеко!
Хотел я встать - передо мной
Все закружилось с быстротой;
Хотел кричать - язык сухой
Беззвучен и недвижим был...
Я умирал. Меня томил
Предсмертный бред.
Казалось мне,
Что я лежу на влажном дне
Глубокой речки - и была
Кругом таинственная мгла.
И, жажду вечную поя,
Как лед холодная струя,
Журча, вливалась мне в грудь...
И я боялся лишь заснуть, -
Так было сладко, любо мне...
А надо мною в вышине

ტალღას მიჭრილი მისდევდა ტალღა.
მთვარის უტკბესად მზის სხივი ნორჩი
ჩამოსჭვიოდა ზვირთების ბროლში,
აქა-იქ გუნდნი ჭრელ თევზებისა
დანავარდობდნენ სხივებში მზისა.
იმ თევზებს შორის ულამაზესი
დავიმახსოვრე მე ერთი თევზი;
მომელამუნა ის მეტი ნდობით,
უჩანდა ზურგი მას შენამკობი
ოქროსფერ ქერცლით, თვალებთან მარდად
მან არა ერთხელ გამინავარდა;
რალაც ღრმა სევდით და სიფაქიზით
მწვანედ ელავდნენ თვალები მისი;
ძლიერ მიკვირდა, რომ საოცარი
იმ ოქროს თევზის ხმა სინარნარით
საკვირველ სიტყვებს ჩამჭურჩულებდა,
ხან ჩუმდებოდა, ხან ისევ ჟღერდა...
ამბობდა იგი: „ო, ყრმაო ჩემო,
ნუ ნახვალ, ჩემთან დარჩი...
აქ სიჩუმეა და გრილი ჩერო,
ლაღად იცხოვრებ წყალში.

*

მე ჩემს დობილებს მოვუხმობ ყველას,
ფერხულს დავუვლით ერთად.
გაგიხალისებთ დაბინდულ მზერას
და სულს დაქანცულს მეტად.

*

იძინე, რბილი გაქვს სარეცელი,
საბანი გამჭვირვალე;
გაივლის წელი; ათასი წელი
ლამაზ სიზმრებში მალე.

*

ო, ჩემო კარგო, გეტრფოდე მინდა
უნაზეს გულისცემით...
მიყვარხარ, როგორც ნაკადი წმინდა,
როგორც სიცოცხლე ჩემი...”

და მას ვუსმენდი მე დიდხანს, დიდხანს...
ოქროს თევზისგან წარმოთქმულ სიტყვას,
მეჩვენებოდა, რომ ჩუმი ბგერით
ხმას უერთდება ჩუხჩუხა ჩქერი.
აქ ჩამეძინა... შეშლილის ბოდვა
შეწყდა, სხეული რომ სუსტდებოდა,
ბინა დაედო თვალებში ღამეს.

24

ასეთი მნახეს და ამიყვანეს.
თვითონაც იცი, რაც მოხდა მერე.
მე გავათავე... შენ დამიჯერებ,
თუ არა, ახლა ერთია ჩემთვის...
მე მხოლოდ ფიქრი მაღონებს ერთი:
რომ სხეულს ჩემსას, უსიტყვოს, ცივსა,
მინა ვერ შეჭამს მშობლიურ მთისა.
და ჩემს სამინელ ტანჯვათა თხრობა,

И дух усталый твой.

*

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов.

*

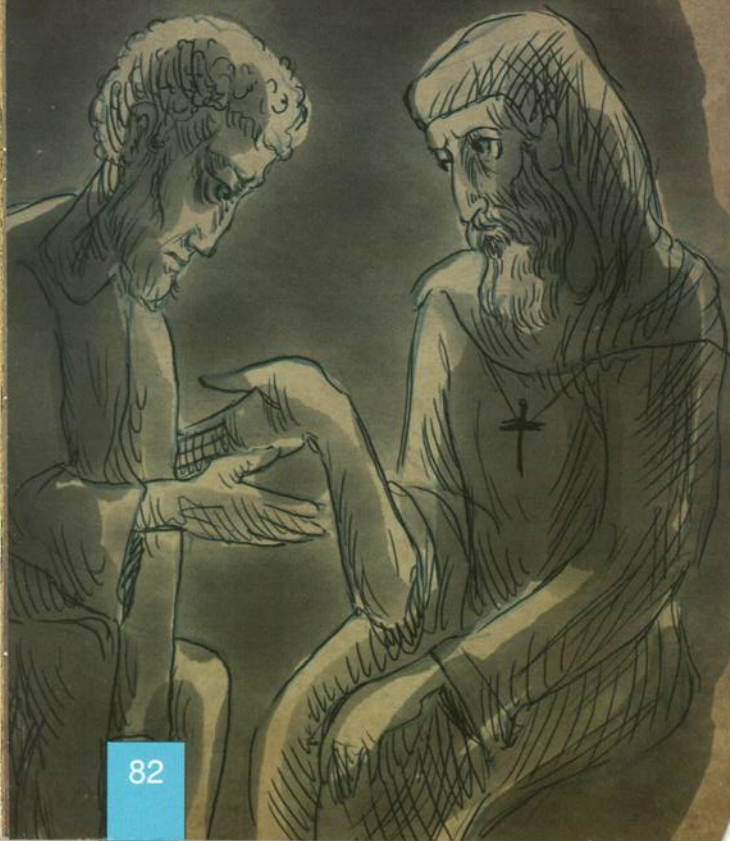
О милый мой! не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...»

И долго, долго слушал я;
И мнилось, звучная струя
Слиwała тихий ропот свой
С словами рыбки золотой.
Тут я забылся. Божий свет
В глазах угас. Безумный бред
Бессилью тела уступил...

24

Так я найден и поднят был...
Ты остальное знаешь сам.
Я кончил. Верь моим словам
Или не верь, мне все равно.

ამ ყრუ კედლებში, სად არ აქვთ გრძნობა,
ვიცი, არავის აღუძრავს ნალველს,
არვინ ახსენებს ჩემს უცნობ სახელს.

25

მშვიდობით, მომეც, მამაო, ხელი;
იგრძენი? ხელში ალი მაქვს მწველი.
ეს ის ცეცხლია, ბავშვობის დროდან
ჩემს გულში ჩუმად რომ ბოხოქრობდა;
იქ დაჰლევია საკვები ახლა
და საპატიმროს კედლები გახრა,
სურს დაუბრუნდეს სივრცეში მასვე,
ვინც ყველას წესით ამქვეყანაზე
ანიჭებს ტანჯვას და განსვენებას...
მე ეს რად მინდა? დე, როგორც ნებაგს,
ღრუბელთა ზემოთ, ედემსა შინა,
სულმა მონახოს თავისი ბინა...
ეჰ, ბნელ, ციცაბო კლდეებთან, მთაში
რომ ვთამაშობდი ოდესღაც ბავშვი,
იმ წუთებისთვის არ მენანება
დავთმო სამოთხე და უკვდავება.

26

როს დამიდგება დრო აღსასრულის, –
მენდე, ახლოა ამოსვლა სულის, –
უბრძანე, ბაღში, სად განაფურჩენი
თეთრ აკაციის დგას ორი ბუჩქი,

Меня печалит лишь одно:
Мой труп холодный и немой
Не будет тлеть в земле родной,
И повесть горьких мук моих
Не призовет меж стен глухих
Вниманье скорбное ничье
На имя темное мое.

25

Прощай, отец... дай руку мне:
Ты чувствуешь, моя в огне...
Знай, этот пламень с юных дней,
Таяся, жил в груди моей;
Но ныне пищи нет ему,
И он прожест свою тюрьму
И возвратится вновь к тому,
Кто всем законной чередой
Дает страданье и покой...
Но что мне в том? - пускай в раю,
В святом, заоблачном краю
Мой дух найдет себе приют...
Увы! - за несколько минут
Между крутых и темных скал,
Где я в ребячестве играл,
Я б рай и вечность променял...

26

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,

მე ჩამასვენონ – იმ ბუჩქებს შორის
 ისე ხშირია შრიალი მოლის!
 ათრთოლებული ფოთოლი სხივზე
 გამჭვირვალეა ოქროსფრად ისე,
 ჰაერიც ფშვინავს ისეთ სურნელით!
 მაშ, ამისრულე ეს სასურველი.
 დე, მტრედისფერი დღის ბრწყინვალეობით
 უკანასკნელად დატკბნენ თვალები...
 იქიდან მოჩანს კავკასიცი წმინდა!
 იქნებ კავკასმაც თვის მწვერვალიდან
 გამოაგზავნოს გრილ ქართან ერთად
 გამოთხოვების სალამი ჩემთან...
 და მშობლიური ხმა უნაზესი
 მე სიკვდილის წინ კვლავ შემომესმის,
 და თითქოს ვიგრძნობ, – თავდახრით მდგარი
 ჩემთან ძმა არი ან მეგობარი,
 რომ მან მომწმინდა მზრუნველი ხელით
 შუბლი, სიკვდილის ცივი ოფლით სველი,
 რომ ის სიმღერას ჩემთვის საამოს
 მშობელ მხარეზე ჩუმი ხმით ამბობს...
 ამნაირ ფიქრით მე განვისვენებ,
 და არავისაც არ შევაჩვენებ!"

1839

დავით გაჩეჩილაძის თარგმანი

Ты перенести меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста...
Трава меж ними так густа,
И свежий воздух так душист,
И так прозрачно-золотист
Играющий на солнце лист!
Там положить вели меня.
Сияньем голубого дня
Упыюся я в последний раз.
Оттуда виден и Кавказ!
Быть может, он с своих высот
Привет прощальный мне пришлет,
Пришлет с прохладным ветерком...
И близ меня перед концом
Родной опять раздастся звук!
И стану думать я, что друг
Иль брат, склонившись надо мной,
Отер внимательной рукой
С лица кончины хладный пот
И что вполголоса поет
Он мне про милую страну...
И с этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!...»

1839

Содержание

В.С. ШАДУРИ. ЛЕРМОНТОВ В ГРУЗИИ	3
მ.ლერმონტოვი. მწიერი (ნაწყვეტი). ი.ჭავჭავაძის თარგმანი	18
მ.ლერმონტოვი. მწიერი. დ.გაჩეჩილაძის თარგმანი	26
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ. МЦЫРИ	27

არჩილ კუხიანიძე

მხატვარი, ანიმატორი.

დაიბადა 1988 წელს თბილისში. დაამთავრა ი.ნიკოლაძის სახ. სამხატვრო სასწავლებელი, ფერწერის ფაკულტეტი. მიღებული აქვს მონაწილეობა მინანქრის საერთაშორისო გამოფენებში, ანიმაციური ფილმების ფესტივალებში. თანამშრომლობს სტუდიებთან: «მიფასი ფილმი», ანიმაციური ფილმების სტუდია «ველი», «ტელევეზირი», «ანიმაციის განვითარების ფონდთან».

Арчил КУХИАНИДЗЕ

Художник, аниматор.

Родился в 1988 году в Тбилиси. Окончил художественное училище им. Я.Николадзе, факультет живописи. Участвовал в международных выставках эмалей, фестивалях анимационных фильмов. Сотрудничает со студиями «Мифаси филм», студией анимационных фильмов «Вели», «Телевезири», «Фондом развития анимации».

მზია მჭედლიშვილი

დაიბადა 1960წ. თბილისში.

დაამთავრა შ.რუსთაველის სახ. უნივერსიტეტი – დრამის სარეჟისორო ფაკულტეტი. თბილისის ა. ქუთათელაძის სახ. სამხატვრო აკადემიის ფერწერის ფაკულტეტი. დადგმულ აქვს სპექტაკლები ჭიათურის დრამატულ თეატრში, თბილისის მოზარდ მაყურებელთა თეატრში და სხვ. მუშაობს ხატწერაში, მინანქარში. ხატები და მინანქრები დაცულია საქართველოს და უცხოეთის ტაძრებში, მუზეუმებში და კერძო კოლექციებში.

Мзия МЧЕДЛИШВИЛИ

Родилась в 1960 году в Тбилиси. Окончила режиссерский факультет Тбилисского театрального университета им. Ш.Руставели и факультет живописи Тбилисской государственной АХ им. А.Кутателадзе. Осуществила ряд постановок в Чиатурском драматическом театре, Тбилисском ТЮЗ и др.

Работает иконописцем и эмальером. Работы хранятся в музеях, храмах, частных коллекциях Грузии и за рубежом.

Издатель Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»

М.Ю. Лермонтов МЦЫРИ

Руководитель проекта

Николай Свентицкий

заслуженный деятель искусств РФ

Над изданием работали

Эмзар Квитаишвили

Нина Зардалишвили-Шадури

Александр Сватиков

Наталья Цитланидзе

Алена Деняга

Художники

Арчил Кухианидзе

Мзия Мchedlishvili

Дизайн и компьютерная верстка

Давид Элбакидзе-Мачавариани

Технический редактор

Давид Абуладзе

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

www.russianclub.ge www.rcmagazine.ge rusculture@mail.ru

Sponsor

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge www.rcmagazine.ge rusculture@mail.ru

